

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

МИЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

БОЛЬШОЙ МЕНТОВСКИЙ ПЕРЕПОЛОХ

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Милицейская академия

Михаил Серегин

Большой ментовский переполох

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Большой ментовский переполох / М. Г. Серегин — «Научная книга», — (Милицейская академия)

Казалось бы, наша великолепная шестерка прошла и огонь, и воду, и никакие испытания ей уже не страшны! Но судьба в лице главаря бандитской группировки Лысого подбросила им испытание не водой, а... водкой! И, представьте, юные курсанты не смогли его выдержать. С одной стороны, это свидетельствует об их высоком моральном облике, а с другой — стало причиной очень крупных неприятностей...

Содержание

1	5
2	15
3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Серегин

Большой ментовский переполох

1

Зима в этом году в Зюзюкинске выдалась очень морозной. Уже почти неделю на улицах города не наблюдалось привычного оживления, зюзюкинцы без особой нужды из дома старались не выходить, а если и выходили, то чуть не бегом добирались до места назначения, опасаясь отморозить себе нос, уши и другие части тела, не прикрытые одеждой. Снег со льдом покрывал уличный асфальт, и это создавало жителям города огромные трудности при передвижении как на транспорте, так и на собственных ногах. Коммунальные службы категорически отказывались посыпать дорожки для прохожих солью или на худой конец песком. Это приводило к тому, что прохожие падали, ломали ноги, руки, в лучшем случае получали ушибы.

Особенно много таких неприятных случаев бывало на площадке перед проходной единственного в Зюзюкинске огромного производственного предприятия – мясокомбината имени Любоедова. Гостей города это название весьма удивляло, а тех, кто был более чувствителен, даже пугало. Чтобы дать мясокомбинату такое имя, надо быть или большим шутником, или же маньяком-извращенцем. Однако на самом деле все объяснялось просто! Семен Петрович Любоедов был основателем мясокомбината, но никакого каннибализма за ним не наблюдалось в течение всей его жизни, вплоть до кончины, впрочем, как и за всеми его родственниками, которые до сих пор занимали руководящие посты на предприятии. Сын Семена Петровича, Константин Семенович Любоедов, после смерти отца взял бразды правления мясокомбинатом в свои руки.

Константин Семенович директором был хорошим, вот только о благе сотрудников, включая своих родственников, не особенно заботился. Его голову занимала одна мысль: произвести столько колбасы, чтобы можно было накормить не только весь город, но и всю область. Неудержимое стремление к увеличению продукции сказывалось не только на ее качестве, но и на самой жизни мясокомбината, который работал круглосуточно. Рабочие в поте лица, сменяя друг друга, трудились днем и ночью. Правда, их стремления были не так возвышенны и масштабны, как у их директора. Тех, кто приходил наниматься сюда на работу, привлекало только одно – довольно высокая заработная плата, а остальное, как они считали, уже мелочи жизни. Вот одной такой мелочью и была площадка перед проходной, сплошь покрытая гладким как зеркало льдом. Люди выходили из проходной, поскальзывались, падали, ломали... В общем, все по обычному сценарию. То и дело до вахтеров доносились чьи-то ругательства и проклятья в адрес городских служб, безобидного директора Любоедова, зимы, да и всей своей несчастной жизни.

Не обошлось без такого казуса и в это раннее морозное утро. Молодая женщина вышла из проходной, громко стуча каблучками зимних сапожек и высоко подняв голову. Она вдохнула морозный воздух, улыбнулась каким-то своим мыслям, сделала несколько семенящих шажков и, не удержавшись на скользком льду, взмахнула руками и с воплем грохнулась на самое мягкое место своего тела.

– Вот, еще одна, – почему-то злорадно усмехнувшись, сообщила вахтерша тетя Марина своей напарнице, молоденькой девушке Лене.

– А мне ее жалко, – выглянула из окошка Лена. – Может, помочь?

– Не старуха, сама встанет, – огрызнулась тетя Марина.

– И почему площадку песочком не посыпят? – вздохнула Леночка, подперев щечку кулачком и наблюдая, как пострадавшая работница мясокомбината, дрыгая ногами и руками, безуспешно пытается подняться на ноги. – Что за начальство у нас...

– Не начальство виновато, а сами люди, – перебила ее наставница по работе.

– Это еще почему? – удивилась Леночка.

– А потому, что обувь надо подбирать в соответствии с погодой и состоянием наших улиц, а не гнаться за модой. Вот у тебя, например, сапоги на каблуках? – спросила тетя Марина, заглядывая под стол, чтобы разглядеть обувь своей ученицы.

– Нет, я зимой каблуки не ношу, – высунула Леночка из-под стола свою стройную ножку в замшевом сапожке на плоской подошве. Причем сделала она это так резко, что чуть не угодила в нос тете Марине, которая, впрочем, не обратила на это никакого внимания и продолжила поучать сидящую напротив неразумную представительницу современной молодежи:

– Правильно, потому ты и не падаешь, а эта напялила каблучищи и еще хочет на таком льду удержаться. Нет, что ни говори, а лучшая обувь при наших зимах да властях – это валенки, а не то, что надето на ней, – заявила тетя Марина.

Леночка, которая не привыкла перечить старшим, молча согласилась со своей наставницей, и они вместе принялись наблюдать за все еще барахтающейся на льду любительницей каблуков, которой в этот момент приходилось несладко.

Звали несчастную жертву современной моды Натальей Александровной Мартышкиной. Она как раз закончила ночную смену и вышла на улицу, предвкушая скорое возвращение домой. Упала она неожиданно и довольно ощутимо. За последний месяц это было ее пятое, а может, шестое или седьмое падение, сейчас Наталья не могла точно припомнить.

Женщина попыталась встать на ноги, но у нее не получилось. То ли лед сегодня был особенно скользким, то ли сказывалась усталость после ночной смены, проведенной в душном разделочном цеху, но ноги упорно отказывались подчиняться своей хозяйке и при каждой попытке Натальи переместить на них вес своего тела дружно разъезжались в стороны.

– Вот блин, – совсем некрасиво ругалась красивая женщина. – Что же это такое?

Больше всего она волновалась не оттого, что упала и больно ударилась, хотя и с тоской подумала, что на зад у нее теперь будет огромный синяк, который ревнивый муж наверняка отнесет к очередному злодеянию несуществующего Наташиного любовника. Мартышкина, будучи несколько закомплексованной и стеснительной женщиной, боялась, что кто-нибудь из знакомых увидит ее распластавшейся на льду, расскажет другим знакомым, те третьим... В результате над ней будет смеяться половина города. Так думала Наталья, не подозревая о том, что собратьев по несчастью у нее как раз эта самая половина населения Зюзюкинска.

Однако по прошествии десяти минут, проведенных в безуспешных попытках снова подняться на ноги, Мартышкина так утомилась, что ей стало наплевать на мнение окружающих, и она решила просто уползти с опасной для жизни площадки. Женщина встала на четвереньки, мысленно попрощалась со своими колготками, повесила на шею сумочку, чтобы не мешала передвижению, и поползла.

– Глянь-ка, совсем баба рехнулась, – закатилась от смеха тетя Марина.

– А я бы тоже так сделала, – забыв, что наставнице лучше не перечить, высказала свое мнение Леночка.

Наталья тем временем добралась до края тротуара, нащупала руками в перчатках притоптаный снежок и наконец благополучно приняла вертикальное положение. Затем она подсчитала потери от падения, которых оказалось целых три – порванные колготки, оторвавшаяся от дубленки пуговица и возможный синяк на мягком месте, и облегченно вздохнула. «Надеюсь, никто меня не видел?» – мысленно вернулась она к своим прежним переживаниям, затем огляделась и, никого не заметив, засеменила к автобусной остановке, чтобы успеть на первый автобус.

Невольные свидетельницы позора Натальи Александровны – Леночка и тетя Марина – проводили Мартышкину взглядами и вернулись к своим обязанностям.

* * *

Наталья Александровна, или просто Наташенька, как ее звали родные и знакомые, проживала почти в центре Зюзюкинского со своим мужем Николаем, или просто Коляном Мартышкой. Они поженились всего полгода назад и теперь налаживали семейный быт в Наташиной двухкомнатной квартире, доставшейся ей от бабушки.

Колян был парнем видным, можно даже сказать красивым, но уж слишком ревнивым, что Наташу одновременно и радовало, и угнетало. А еще Коляка обожал всех разыгрывать, причем зачастую его розыгрыши оказывались не только несмешными, но и попросту злыми. Однако Наташа все равно любила Николая таким, какой он есть, и сейчас, выбравшись на своей остановке из автобуса, сломя голову понеслась домой.

На улице в этот ранний час было пустынно, только изредка попадались прохожие.

Мартышкина добралась до своего подъезда, поднялась на третий этаж, достала ключи, открыла дверь и на цыпочках, чтобы не разбудить Колю, вошла в квартиру.

Здесь она быстро скинула дубленку, сапоги, сняла шапку и пошла в спальню. Она сразу же заметила застеленную кровать, поняла, что муж, невзирая на ее постоянные упреки, снова завалился спать в гостиной на диване.

– Вот балбес, – ласково отругала мужа Наташа. – Наверняка без подушки опять уснул.

Сказав это, Мартышкина схватила с кровати подушку и направилась в гостиную, дабы создать своему любимому супругу все условия для хорошего сна.

Николай действительно лежал на диване без подушки под головой, но зато накрытый теплым пледом. Наташенька подошла к дивану и тихо позвала:

– Колюня, Коленька, поднимись на минуточку, я тебе подушечку под голову подложу.

Однако Коля так крепко спал, что на зов никак не отреагировал.

– Ну, Коля, давай же, – тронула его за плечо молодая женщина. – Или отправляйся в спальню.

Муж и теперь просыпаться не хотел.

– Ах, так, – разозлилась Наташа. – Ну тогда держись! – Она размахнулась и хлопнула подушкой по спине супруга.

От этого действия плед сполз с Николая и обнажил его голый торс, залитый кровью. Даже в сумерках Наталья поняла, что это именно кровь. Она не закричала, не заплакала, не впала в транс, а просто отпрыгнула назад как ошпаренная и брезгливо отшвырнула от себя подушку. Подушка с глухим звуком шлепнулась на пол, и это привело Наталью в чувство. Она встрепенулась, сделала шаг вперед, наклонилась и дотронулась до лба мужа. Лоб был сухим и едва теплым. «Значит, умер недавно», – отстраненно подумала Мартышкина, развернулась и пошла в прихожую.

Здесь она схватила телефонную трубку, набрала номер милиции и стала ждать. Все это она делала механически, как будто бездумно повиновалась чьей-то чужой воле. В отделении трубку взяли только после третьего гудка.

– Дежурный Симоненко слушает, – раздался слегка хриплый мужской голос.

– Милиция, моего мужа убили, – ровным голосом сказала Наташа.

Дежурный такому сообщению несколько не удивился, а только спросил:

– Какой у вас адрес?

– Улица Братьев Гримм, дом пять, квартира двадцать три, первый подъезд, третий этаж, – дала указания женщина и повесила трубку.

Затем она развернулась, сделала шаг к гостиной, и в этот момент жуткий душераздирающий звон заполнил ее уши. Наталья охнула, не выдержала и начала медленно оседать на пол, теряя сознание...

Наташа очнулась от холода. Она открыла глаза, вздохнула и села, прислонившись спиной к стене прихожей. И тут же она вспомнила, почему оказалась лежащей на полу. «Коля мертв», – пробила мозг страшная мысль, и спазм рыданий сжал горло женщины. Правда, вволю поплакать ей не удалось, потому что в этот момент в квартиру позвонили.

Наталья поднялась и открыла дверь. На пороге стояли двое милиционеров и какой-то мужчина в короткой кожаной куртке на меху и потертых джинсах. Он-то и начал говорить первым:

– Вы милицию вызывали?

– Да, – кивнула Наташа и, повернувшись, ткнула пальцем в направлении гостиной: – Он там...

Джинсовый парень кивнул своим сопровождающим, и те, миновав Наталью, прошли в указанную комнату.

– Младший следователь капитан Чаелюбов, – представился тем временем парень и вошел в квартиру. – Так что у вас случилось?

– Я нашла своего мужа мертвым, – глубоко вздохнув, начала говорить Мартышкина. – Пришла с работы, а он лежит...

Но Наталье не удалось закончить фразу, потому что в этот момент из гостиной донесся разочарованный взглас:

– Не понял, а где труп-то?

– Что там у вас? – громко спросил Чаелюбов и, вежливо отстранив Наташу, двинулся в комнату.

Женщина пошла следом. Оба оперативника с растерянными лицами стояли посреди комнаты и смотрели на своего начальника.

– А где же труп? – повторил вопрос один из милиционеров.

Чаелюбов повернулся и вопросительно глянул на Наталью.

– Он на диване лежал, пледом накрытый, – неуверенно пробормотала Мартышкина и машинально бросила взгляд на диван.

Трупа там не было, как не было и перепачканного кровью пледа. Единственным напоминанием о страшном происшествии была одиноко лежащая на полу подушка, которую в шоке отбросила от себя Наталья. Женщина, увидев все это, почувствовала, как голова у нее пошла кругом.

– Ну и как вы нам все это объясните? – спросил Чаелюбов.

– Я не знаю... Я ничего не понимаю... – забормотала Мартышкина.

– Зато я знаю и понимаю, – перебил ее капитан. – Вы сделали ложный вызов, отвлекли нас от работы, а это, между прочим, карается законом. Кстати, как ваша фамилия? – запоздало решил уточнить он.

– М-мартышкина, – испугавшись угроз милиционера, начала заикаться Наталья.

– Как? – переспросил Чаелюбов и подозрительно прищурил глаза.

– Мартышкина, – повторила женщина.

– Так, так, – понимающе закивал капитан. – Что-то фамилия мне ваша очень знакома...

– А мужа вашего как зовут? – неожиданно вмешался в разговор оперативник, который до сих пор молчал.

– Колей, то есть Николаем, – поправилась Наталья.

– Ну точно, – обрадовался служитель закона и, повернувшись к Чаелюбову, пояснил: – Этот Николай Мартышкин, он же Колян Мартышка, известный шутник. Правда, шутки у него

всегда дурацкие. Мы его даже несколько раз задерживали, только он всегда умудрялся сухим из воды выходить. Любит он нашего брата душить.

– Постой-ка, – вспомнил наконец капитан, – а не он ли на прошлой неделе позвонил и сказал, что в магазине «Красотка» спрятана бомба?

– Он, – уверенно закивали милиционеры.

Тут Чаелюбов вспомнил, что рассказывал ему на прошлой неделе его коллега, старший лейтенант Серега Жучков, и как он ругался на злого шутика Колю Мартышкина. А дело было так.

Утром в отделение милиции поступил звонок, неизвестный сообщал, что в магазине «Красотка» в одной из баночек с пудрой спрятана миниатюрная электронная бомба. Естественно, звонок этот поднял на ноги все отделение. В магазин немедленно была послана оперативная группа с собаками и саперами. Каково же пришлось бедным милиционерам, когда пришлось вскрывать каждую баночку с пудрой и вытряхивать их содержимое! Собаки чихали и терли лапами носы, которые мгновенно забились мельчайшими частицами душистой пудры. Милиционеры не отставали от своих питомцев и дружно чихали направо и налево, проклиная и неизвестного террориста, и парфюмеров всего мира, которые додумались до создания такого страшного и, на взгляд сильного пола, бесполезного косметического изобретения, как пудра.

Серега Жучков как раз руководил этой операцией, а когда вернулся в отделение, то очень долго, брызгая слюной, отряхиваясь и выковыривая из ушей пудру, орал, что найдет этого шутика и собственноручно скормит ему всю косметику своей жены.

Шутника долго искать не пришлось, его притащили оперативники через пятнадцать минут. Один из ребят просто обратил внимание на молодого человека в магазине, который, притаившись за витринным стендом и покатываясь от смеха, наблюдал за работой милиции. Оперативникам ничего не стоило опознать в нем известного всему отделению шутика и мелкого хулигана Колю Мартышкина. Так же им не составило труда выявить причастность Мартышкина к хулиганской выходке в магазине.

Даже когда Колю забирали, он продолжал хохотать, не в силах остановиться. Смеяться он прекратил лишь тогда, когда получил в нос от старшего лейтенанта Жучкова, да и то на время.

В очередной раз заплатив крупный штраф, Коля снова хихикнул и отправился восвояси.

– И почему мы его посадить не можем? – вздыхал Жучков, обращаясь к Чаелюбову.

– Потому что он штраф заплатил, – отвечал капитан.

– К тому же настолько идиотскую шутку он выкинул в первый раз, – продолжал рассуждать Серега.

– А до этого что, все не так серьезно было? – усмехнулся Чаелюбов.

– В общем, да, – отозвался Жучков. – Так, по мелочи. То скажет по телефону, что квартиру ограбили, мы приезжаем, а там хозяева смотрят на нас как на придурков и понять ничего не могут. То приполз к нам в отделение весь в крови, одежда порвана, и говорит, что на него, мол, хулиганы напали и убежали. Ну, наши ребята, естественно, за хулиганами кинулись, а этот шутик, черт бы его на сковородке поджарил, как заржет и бежать.

– А как же кровь? – удивился капитан.

– А, – махнул рукой старший лейтенант, – это он краской перемазался да воротник на рубашке оторвал.

– Так зачем он это делает? – недоумевал Чаелюбов.

– Видимо, натура у него такая, веселая. Дня не может прожить, чтобы над нашим братом не поиздеваться.

– Чудик какой-то, – дал диагноз Мартышкину капитан.

– Скорее всего, у него болезнь такая. И главное, он нигде не работает и при этом живет, по всей видимости, весьма неплохо, ведь как ни попадется к нам, так всегда при деньгах, чтобы штраф заплатить.

– Может, ворует? – предположил Чаелюбов.

– Не знаю, но в кражах и других преступлениях, кроме мелкого хулиганства, он замечен не был, – пожал плечами старший лейтенант. – В общем, как бы там ни было, но еще раз он надо мной так подшутит, и я его точно посажу, – заключил он.

Теперь капитан Чаелюбов наконец вспомнил этот разговор, и в сердце его закралось подозрение, что и на этот раз страдающий страстью к розыгрышам Мартышкин решил подшутить над милицией. Он хмыкнул и внимательно посмотрел на стоящую напротив него женщину. Вид у той был испуганным и растерянным, можно было подумать, что она действительно уверена в гибели своего мужа. Однако таким образом можно было провести кого угодно, только не капитана Чаелюбова.

При ближайшем и внимательнейшем рассмотрении он заметил, что женщина очень растрепана, помада смазалась, а на колготках, прямо на коленках, виднеются две дыры.

«Ого, да дамочка, кажется, подвыпившая», – подумал Чаелюбов, а вслух спросил:

– А почему это у вас одежда порвана?

Наталья взглянула на свои колготки, а потом перевела взгляд на милиционера и смущенно пояснила:

– Это я на льду упала перед мясокомбинатом, я там работаю.

– Упали и сразу две дырки образовались? – не поверил капитан.

– Нет, что вы, – замахала руками женщина. – Понимаете, там перед проходной площадка есть, вся покрытая льдом. Я на этой площадке и грохнулась, а так как подняться никак не могла, то решила доползти до тротуара, там хоть снежок, а не лед. Вы мне не верите? – спросила она, взглянув на Чаелюбова.

– Нет, – качнул головой капитан. – И знаете, что я думаю обо всем этом?

– Что? – испуганно пролепетала Наталья.

– А то, что это либо очередная глупая шутка вашего муженька, либо же вы просто напились, вот вам и померещилось.

– Но это правда, – уже со слезами на глазах промямлила Мартышкина. – Я вообще не пью. Я вернулась домой и нашла Колю мертвым, тут все в крови было, – она повела рукой в сторону дивана.

– И где же теперь эта кровь? – усмехнулся Чаелюбов, подходя к дивану и осматривая его. – Может, вы поищите? – обратился он к Наталье. – Если найдете, то обещаю, что мы немедленно начнем расследование.

– Но она была.

– А я думаю, что не было, – категорично отозвался капитан. – Я вам расскажу, как все было. Ваш муженек опять решил нас разыграть, подговорил вас, вы вызвали милицию и принялись нас дожидаться...

– Я когда вас вызвала, то услышала какой-то страшный звон, нервы не выдержали, и я упала в обморок, а когда очнулась, то вы уже в дверь звонили, – вспомнила Наталья.

– Звон, говорите, – прищурился Чаелюбов. – Какого рода?

– Не знаю... – растерялась Мартышкина. – Как будто... Как будто будильник звонил. – Она взглянула на тумбочку рядом с диваном, где стоял механический будильник.

Чаелюбов, проследив за взглядом женщины, прошел к тумбочке, взял в руки будильник, внимательно осмотрел его, подергал за рычажки завода часов и сказал:

– Так-так, все понятно...

– Что понятно? – спросила Наталья.

– А то, что вас действительно напугал будильник, если вы, конечно, рассказали нам правду.

– Ну, я же говорила, – обрадовалась Мартышкина и даже, забывшись, захлопала в ладоши.

Реакция женщины удивила сотрудников милиции, а на лице капитана Чаелюбова вновь появилось подозрительное выражение. Он несколько секунд сверлил глазами Наталью Александровну, потом отвернулся и сказал своим помощникам:

– Пойдемте, ребята, нам здесь делать больше нечего, – и двинулся в прихожую.

– Постойте, постойте! – кинулась за ними вдогонку Наташа. – Как это нечего? А Коля...

– Ваш Коля, гражданка, придет через полчаса домой и будет ухохатываться над тем, как разыграл вас, а заодно и нас. У нас нет времени на всяких шутников, вроде вашего мужа. Ребята, за мной, – махнул он рукой.

– Но вы даже не осмотрели все как следует, – высказала последний упрек Наталья.

– Только время терять, – отмахнулся капитан Чаелюбов, открыл дверь и быстро начал спускаться по лестнице. Помощники неотступно следовали за ним.

– Я этого так не оставлю, – всхлипнув, пригрозила Мартышкина. – Я пойду к вашему начальнику.

– Идите, он вам скажет то же, что и я, – уже снизу отозвался Чаелюбов.

Через минуту Наташа услышала, как хлопнула подъездная дверь. Женщина тяжело привалилась к стене и заплакала.

Наталья была уверена, что ей не привиделось, и уж тем более она была не пьяна. С Колей действительно случилось что-то страшное, а милиция даже отказывается найти его тело, чтобы она могла по-человечески похоронить своего мужа.

– Ну уж нет, я их заставлю найти Коленьку, – утирая слезы, сквозь зубы процедила молодая женщина, затем заставила себя встряхнуться и решительно направилась в ванную, чтобы привести себя в порядок.

* * *

Василий Наумович Стеблов, начальник местного отделения милиции и заслуженный полковник, в это утро пребывал не в самом лучшем расположении духа. Вызвано это было прежде всего невыносимым холодом в помещениях. Дело в том, что предыдущим вечером какие-то хулиганы умудрились разбить три окна в коридоре, а новые стекла еще не привезли.

– Что творится?! Что творится?! – возмущался Стеблов. – Среди бела дня в отделении милиции окна расшибают хулиганы! До чего мы дожили!

– Это вечером случилось, Василий Наумович, – попытался вставить робкое слово дежурный Васюков.

– Какая разница! – завопил Стеблов. – Утром ли, вечером, факт остается фактом – жители города милицию в грош не ставят!

Василия Наумовича расстраивало не столько хамство зюзюкинцев по отношению к сотрудникам милиции, сколько омерзительный холод. Стеблов мороз ненавидел, он с большим трудом мог жить и работать зимой. Видимо, его далекие предки проживали на знойном юге и не испытывали неудобств от температуры ниже двадцати градусов по Цельсию.

– Василий Наумович, может, чайку? – предложил Васюков.

– У себя в кабинете попою, – отмахнулся Стеблов и зашагал по коридору.

Оказавшись в своем кабинете, он включил электрический чайник, обогреватель, хотел было снять куртку, но передумал и прямо в одежде уселся за стол, дожидаясь, когда вода вскипит. Вот только чаю ему попить не удалось. Едва только кнопка автоматического отключения на чайнике щелкнула, в дверь постучали.

– Да, войдите, – отозвался полковник.

– Василий Наумович, тут к вам пришли, – заглядывая в комнату, доложил дежурный Васюков.

– Не успел за порог шагнуть, как меня уже хотят видеть, – поеживаясь от холода и придвигаясь к обогревателю, проворчал Стеблов. – Кто там пришел?

– Женщина какая-то, фамилия, кажется, Мартышкина. Говорит, дело жизни и смерти, – неуверенно доложил дежурный. – В три ручья ревет, сказала, что если ее к вам не пустят, то она окно выставит и к вам влезет.

– Ой, вот этого не надо, – замахал руками Василий Наумович. – Иначе мы тут все в пингвинов превратимся. Ладно, зови ее.

Васюков скрылся, а через секунду в кабинет начальника милиции вошла молодая женщина с заплаканным лицом.

– Здравствуйте, – поздоровалась она.

– Здравствуйте, – кивнул полковник. – Присаживайтесь, – указал он на ближайший стул, – и рассказывайте, что у вас случилось.

Женщина села на указанное место, вытерла платочком стынувшие на морозе слезы и начала рассказывать:

– Моего мужа убили сегодня ночью. Я вернулась с ночной смены – работаю на мясокомбинате Любоедова – и обнаружила моего Колю мертвым дома.

– Так, а почему вы милицию не вызвали, а пришли сюда? – сразу уточнил Стеблов.

– Я вызывала ваших сотрудников, – возразила Наталья обиженным тоном, – но они сказали, что я вру, и посоветовали не отнимать у них время зря. Видите ли, моего мужа зовут Николай Мартышкин, и он...

– Любит насмехаться и шутить над всем, что дышит, – продолжил за нее Василий Наумович. – Знаем, наслышаны.

– Просто у Коли такой характер, – попыталась встать на защиту мужа Мартышкина. – Ну, любит он шутки, что тут поделаешь. Однако в этот раз все совсем иначе.

– С чего вы взяли?

– Потому что Коля разыгрывал всех, кроме меня. Со мной он никогда не позволял себе шуток, тем более таких злых, – всхлипнула Наталья. – Вы, конечно, мне не верите, но я сердцем чувствую: с ним что-то случилось.

– Случилось? – вскинул брови полковник. – Но вы же сказали, что он мертв. Да-а, это неприятное происшествие.

– Вы просто не дослушали меня до конца! – вспыхив, повысила голос Мартышкина. – Все дело в том, что мертвым его видела только я.

– Как это?

– А вот так. Нашла его, позвонила в милицию, а потом упала в обморок. Когда я очнулась, тела уже не было, – как неразумному ребенку пояснила Стеблову женщина.

– А куда же оно делось?

– Если бы знала, вам бы точно не сказала, – фыркнула Наташа. – И вообще, перестаньте разговаривать со мной как с безумной. Мне насмешек этого вашего... Чаелюбова, кажется, хватило. Может, пока я в обмороке была, тело преступники и вынесли.

– Может, – слишком уж легко согласился полковник. – А от меня вы что хотите?

– Чтобы вы нашли тело моего мужа.

– А если это его розыгрыш?

– А если нет?

– А если да? – не уступал Стеблов. – Вы что же, прикажете мне из-за каждого такого любителя приколов, как ваш муж, все отделение на ноги поднимать?

– Нет, – сокрушенно покачала головой Наташа, но тут же в глазах ее вновь загорелся решительный огонек, и она сказала: – А если его тело найдет кто-то другой, тогда вам точно не поздоровится. Я всем расскажу, как халатно относится наша милиция к раскрытию преступлений. Не думаю, что это хорошо повлияет на репутацию отделения.

– Было бы на что влиять, – огорченно вздохнул Стеблов, припомнив разбитые окна в коридоре. – И так уже никакой репутации не осталось. Что же с вами делать-то? – задумчиво проговорил он.

– Что хотите, только мужа найдите, – с готовностью ответила Наталья.

Задача перед Василием Наумовичем встала не из легких. С одной стороны, зная о проделках гражданина Мартышкина, ему очень не хотелось заставлять своих ребят взяться за расследование этого дела. Потому что если Мартышкин объявится живой и здоровый, то над милиционерами опять полгорода будет смеяться. Но, с другой стороны, могло все получиться совершенно иначе. Что, если Мартышкина действительно убили? Если кто-то обнаружит его тело, то достанется не только от жителей города, но и от вышестоящего начальства за то, что вовремя не уделили внимание показаниям гражданки Мартышкиной. «А ведь эта дамочка так быстро не успокоится, – подумал Василий Наумович, разглядывая шмыгающую носом Наташу. – Чего доброго в областное управление поедет. Эх, была бы у меня парочка ребятишек молоденьких да неопытных, я бы им это дело и поручил бы. Если несерьезно, то об этом все быстро забудут, а если серьезно, тогда буду подключать к делу опытных сотрудников. Только где взять молодых ребятишек?»

Василий Наумович в задумчивости посмотрел в окно и вдруг... Он заметил пробегающую мимо толпу курсантов школы милиции. Это физрук школы, известный воспитатель немощных курсантских тел Фрол Петрович Садюкин выгнал будущих милиционеров на утреннюю пробежку, несмотря на сильный мороз.

– Вот кто нам поможет! – воскликнул Стеблов, полистал настольную записную книгу, нашел какую-то запись и принялся набирать номер учительской школы милиции.

Трубку, как Василий Наумович и ожидал, взял капитан милиции Глеб Ефимович Мочиллов, давний друг и коллега Стеблова.

– Глеб Ефимович, доброе утро, – поздоровался полковник. – Как живешь-здравствуешь?

После взаимных приветствий и коротких отчетов о неприятностях жизни Василий Наумович перешел к цели своего звонка:

– Глеб Ефимович, у меня дело к тебе.

– Слушаю тебя, Василий Наумович, – немедленно откликнулся Мочиллов.

Стеблов подробно рассказал о своей проблеме и заключил:

– Вот я и подумал, может, дать твоим ребятам работку, так сказать, в учебных целях внеплановое мероприятие.

Василий Наумович знал, что против предложения разнообразить учебный план Глеб Ефимович не устоит, потому что обожает загружать различными заданиями, как плановыми, так и внеплановыми, своих учеников. Так и случилось.

– Что ж, дело интересное, – немного подумав, откликнулся Мочиллов. – Пожалуй, сегодня же после обеда пришло к тебе своих ребят. Ты им все и расскажешь. Только учти, они у меня те еще прохвосты.

– Тем лучше, – облегченно выдохнул Стеблов. – Спасибо тебе, Глеб, удружил.

– О чем речь, всегда рад помочь, – с душой откликнулся Глеб Ефимович и повесил трубку.

Стеблов тоже вернул трубку на телефонный аппарат и тут заметил недоуменно-вопросительный взгляд сидящей напротив Натальи.

– Все, решил я ваше дело, – отвечая на немой вопрос, сказал полковник. – Им займутся курсанты школы милиции.

– Курсанты, – разочарованно протянула Мартышкина. – Они же еще только учатся.

– Зато уже столько преступлений раскрыли, – ответил Стеблов и перечислил все преступления, которые раскрыли курсанты из группы капитана Мочилова.

Умело приведенные полковником аргументы мгновенно убедили Наталью Александровну в полном профессионализме недипломированных милиционеров, она тут же успокоилась и сказала:

– Спасибо вам.

– А не за что, – отмахнулся Стеблов.

Наталья Александровна поблагодарила Василия Наумовича еще раз и вышла из кабинета.

– Ну, блин, что ни день, то новый прикол. Не город, а аттракцион неожиданностей, – вздохнул полковник и вновь щелкнул кнопкой уже остывшего чайника.

2

Мороз щипал уши, щеки, подбородок, оседал на ресницах тонкой ледяной корочкой и даже хотел пробраться внутрь тела, чтобы и там заморозить все своим ледяным дыханием. Но курсанты школы милиции, казалось, были совсем нечувствительны к его злобному натиску!

Однако все обстояло не совсем так. Курсанты не чувствовали холода из-за интенсивного и продолжительного бега, которым каждое утро их награждал инструктор по физкультуре Фрол Петрович Садюкин. Сейчас под его руководством на пробежку вышла та самая группа курсантов капитана Мочилова, о которой и шел разговор между начальником милиции и Мочиловым.

Впереди, как всегда, бежал русский чернокожий курсант Федя Ганга. Несмотря на то, что папа его был африканцем, Федя очень легко переносил мороз, даже лучше своих светлоскожих сокурсников. Видимо, такая морозостойкость досталась ему от мамы, простой русской женщины. Да и физической подготовке Феде очень многие могли бы позавидовать – и завидовали, но только по-доброму. К Ганге просто невозможно было испытывать какой-либо неприязни. Безупречно честный, добродушный, улыбчивый и вежливый, он мгновенно вызывал симпатию у любого, будь то курсант, преподаватель или же обычный житель Зюзюкинского.

За Федей следовали Веня Кулапудов, известный в прошлом хулиган и забияка, а теперь старательный ученик школы, и Леха Пешкодралов, который, чтобы поступить в школу милиции, протопал от родной деревни много километров.

Далее, петляя от усталости и нежелания вообще шевелить ногами, бежали близнецы Шутконесовы. То есть по паспорту они были Утконесовыми, но за страсть к шуткам заработали такое видоизменение своей фамилии.

Предпоследним едва передвигал ноги Санек Зубоскалин, или Дирол. Прозвище свое он получил за никогда не сползающую с лица голливудскую улыбку во все тридцать два белоснежных – как в рекламе одноименной жвачки – зуба. В данный момент ему, пожалуй, приходилось гораздо хуже сокурсников. Дело в том, что, оказавшись на улице и по своему обыкновению улыбнувшись, Санек так больше и не смог закрыть рот, потому что мороз намертво сковал губы в растянутом положении. Так он и бежал, как новый русский Гуинплен, улыбаясь всем и вся.

Ну и последним в этой странной процессии двигался сам Фрол Петрович. Он, в отличие от своих, по его мнению, тщедушных курсантов, держался молодцом. Правда, рот замерз, отчего физрук потерял возможность отдавать своим ученикам приказания. Те немедленно этим воспользовались и вместо того, чтобы бегать вокруг школьного забора, выскочили на улицу и теперь явно двигались не в том направлении, в каком хотелось бы Садюкину, а именно, они бежали к кафе, где готовили самые лучшие в Зюзюкинске пельмени и заваривали самый вкусный чай. Фрол Петрович несколько раз пытался остановить их, размахивая руками и жестами приказывая вернуться обратно, но курсанты как будто и не видели своего физрука, продолжая методично перебирать ногами.

Садюкина сначала такое поведение учеников разозлило, но так как сделать он ничего не мог, то решил из этой ситуации извлечь и для себя пользу. Он прекрасно знал, что помимо пельменей и чая в кафе «Заходи – не пожалеешь» можно еще и тяпнуть водочки, которая продавалась здесь в розлив, а в данной ситуации граммов сто волшебного напитка были единственным спасением для окоченевшего ротового отверстия физрука.

Перед дверью кафе бегущий впереди Ганга остановился, обернулся, удостоверился, что остальные сокурсники хотят того же, что и он, и открыл дверь.

На курсантов тут же пахнуло теплым воздухом и умопомрачительным ароматом вареных пельменей и жареных котлет. Кафе было маленьким, можно даже сказать, крохотным: всего-то пять столов со стульями вокруг них и стойка бара. Естественно, в этот ранний час кафе

пустовало: местные любители выпить еще не проспались, а работники близлежащих контор и предприятий, которые часто заходили сюда пообедать, еще не успели проголодаться.

Курсанты, тяжело переставляя ноги и двигая в такт шагам согнутыми в локтях застывшими руками, переместились к стойке небольшого бара и остановились, с наслаждением вдыхая ароматы русской кухни.

– Вы по делу или заказывать что-нибудь будете? – заметив новых посетителей в зимней форме курсантов милиции, без всякого выражения на усатом лице обратился к ним мужчина за стойкой.

У Феде рот тоже замерз, а отогреться еще не успел, поэтому он за всех сначала отрицательно замотал головой, а потом кивнул, тем самым отвечая сразу на оба вопроса. Усатый мужик жестикуляцию понял, а потому молча указал на висевшее рядом на стене меню, в котором значилось, что сегодня в ассортименте горячие пельмени с бульоном и без, чай, кофе, полдюжины разных напитков, включая алкогольные коктейли и водку, а также десяток различных салатов.

Курсанты как по команде уставились на меню, потом переглянулись и посмотрели на Гангу. Федя, который уже успел наладить контакт с барменом, ткнул пальцем в надпись «пельмени горячие» в меню и, повернувшись к бармену, показал растопыренную пятерню правой руки и один палец на левой руке.

– Так вас же семеро, – удивился заказу усатый, имея в виду еще и Садюкина. – И вообще, вы что, немые? – запоздало поинтересовался он.

– Они такие же немые, как я Клаудия Шиффер. Порой и не заткнешь их, поэтому можете пока порадоваться, что у них рты от мороза замерзли, – с огромным усилием разлепив скованные холодом губы, процедил Фрол Петрович. – Вот сейчас отогреются, и такой гвалт начнется.

– А вы что будете? – обрадовавшись тому, что хоть кто-то в этой странной группе наконец подал голос, спросил мужик за стойкой.

– А мне... – задумался Садюкин, потом взглянул на курсантов и шикнул: – Ну-ка, быстро за стол. Сделали заказ, и хватит. Сейчас вам все принесут. У вас ведь есть официанты? – Это он уже обратился к бармену.

– Конечно, – кивнул тот. – Так что будете? – повторил он вопрос.

Садюкин убедился, что курсанты уселись, занятые только ожиданием горячей еды, и сказал:

– Мне тоже пельменей с бульоном и, – он понизил голос до шепота, – водки. Только вы налейте мне, пожалуйста, ее в стаканчик для чая. Хорошо?

– Как скажете, – все с тем же безразличным выражением на лице пожал плечами усатый.

Садюкин развернулся и двинулся к одному из столиков, за которым разместились близнецы Утконесовы и Ганга. За другим столом уже сидели Зубоскалин, Пешкодралов и Кулапудов. Все они сняли шапки и теперь нетерпеливо потирали руки в предвкушении вкусного завтрака.

Надо сказать, уже не первый раз Садюкин позволял курсантам подобную вольность. Обычно такое происходило, когда курсантам раз в месяц выдавали стипендию. Раньше ребята тратили свои небольшие деньги в основном на пиво и сигареты, да еще иногда ходили на дискотеку в местный клуб. Но теперь все изменилось, правда, не по желанию курсантов. Просто руководитель их группы, строгий, но справедливый Глеб Ефимович Мочиллов, решил всерьез взяться за воспитание своих подопечных, причем не только физическое, культурное, профессиональное, но и нравственное. Рассудив, что, поглощая литрами пиво, курсанты портят не только свои почки, но и моральный облик всей школы, Мочиллов попросил Садюкина о маленькой услуге, а именно, отводить курсантов в кафе. Мочиллов знал, что от пельменей ребята откажутся не смогут, а потому с радостью будут ходить в кафе столько раз, на сколько хватит стипендии, то есть пять раз в месяц. Садюкин согласился на предложение Глеба Ефимовича с

неохотой, но, раз посетив это кафе и согревшись здешней водкой, решил, что заведение весьма приятное, да и кормят здесь неплохо, а потому теперь даже с некоторой радостью таскал сюда группу капитана Мочилова.

Наконец, из подсобного помещения, служившего, по всей видимости, кухней, вынырнула официантка с подносом, на котором стояли тарелки с дымящимися пельменями. Официантка была очень симпатичной девушкой с длинными каштановыми волосами и зелеными глазками в обрамлении пушистых бархатных ресниц, густо покрашенных черной тушью.

Нисколько не смущаясь и слегка покачивая бедрами, обтянутыми синими джинсами, девушка расставила тарелки и чашки с чаем на столах, улыбнулась одновременно всем и вновь скрылась в кухне.

– Я ее люблю, – глядя вслед девушке, завороченно выдохнул Антон Утконесов, забыв, что рядом за столом сидит Садюкин.

– Курсант Утконесов, немедленно прекратите любить в учебное время, – цыкнул на него Фрол Петрович. – Иначе заставлю вас сделать сто прыжков через сугроб возле школьного крыльца.

Угроза немедленно возымела эффект, потому что заледеневший сугроб возле учебного корпуса школы милиции был метра полтора в высоту и сделать через него сто прыжков было выше всяких человеческих сил. Антон потупился и проговорил:

– Уже прекратил, теперь я ее ненавижу.

– Так-то лучше, – самодовольно усмехнулся Садюкин и, отпив из своего стаканчика, поморщился.

– Что, не вкусно? – тут же заметил наблюдательный Федя.

– Вкусно, – делая вид, что утирает рот рукавом, а на самом деле им занюхивая, откликнулся Фрол Петрович. – Я сморщился оттого, что чай горячий.

– А-а, – понимающе протянул Федя и принялся за еду.

Вскоре тарелки курсантов опустели, они наелись, напились, особенно в этом преуспел Садюкин, и, расплатившись, вышли из кафе. Однако при выходе они наткнулись на странную компанию. Четыре мужика явно бандитского вида вылезали из машины, припаркованной прямо у двери кафе. Однако, увидев парней в форме, бандиты переглянулись и полезли обратно машину. Веня это заметил и сказал Пешкодралову:

– Странные они какие-то. Может, документы у них проверить?

Пешкодралов внимательным взглядом оценил опасность странной компании и покачал головой:

– Нет, думаю, с документами у них все в порядке. Просто у таких типов рефлекс на милицию срабатывает, они сразу убежища ищут.

– Бегом марш! – отвлекая курсантов от разговора, скомандовал Садюкин, и тем ничего другого не оставалось, как подчиниться приказу.

На сытый желудок бежалось плохо, курсанты просто вяло перебирали ногами. Зато Садюкин после выпитого спиртного заметно повеселел и теперь уже бежал впереди всей группы, что противоречило собственным принципам Фрола Петровича: физрук считал, что всегда должен бежать позади группы, дабы видеть всех впереди бегущих. Естественно, переместившись вперед, Фрол Петрович не мог видеть, что делается позади него, а потому в скором времени убежал далеко вперед.

– Вот дает! – восхитился Леха Пешкодралов, наблюдая за тем, как все быстрее и быстрее удаляется от них физрук. – На него, видимо, еда действует не как отяжеление желудка, а как топливо для паровоза.

– Это не еда на него так действует, а водка, – пояснил пыхтящий позади Андрей Утконесов.

– Ой, а я-то все думал, чем это в кафе помимо пельменей пахнет, – подал голос Федя. – А это, оказывается, Садюкин опять надрался. И когда только успел? Я что-то не видел, чтобы ему водку приносили.

– Приносили, приносили, – усмехнулся Андрей. – В стаканчике под чай.

– Ни фиги себе, – вступил в разговор Санек Дирол. – Я думал, только мы так обдурить можем, но теперь вижу, что Садюкин нас всех переплюнул.

– О, смотрите, возвращается, – указал рукой вперед Веня Кулапудов. – Видать, понял, что нас немножко потерял, вот и вернулся.

Садюкин действительно долго бежал не оглядываясь, а потом, оглянувшись и не обнаружив у себя за спиной курсантов, очень удивился и даже подумал, что те от него сбежали. Едва он собирался броситься на поиски ребят, как те уже показались вдалеке.

– Ну, курсанты, – зло процедил Фрол Петрович, когда группа приблизилась, – всем обеспечу прыжки через сугроб, чтобы лучше ногами шевелили.

– А мы расскажем, что вы водку по утрам пьете, – не подумав, пригрозил Санек.

Лицо Садюкина мгновенно побелело, потом покраснело, потом отчего-то приняло синеватый оттенок, и физрук просипел:

– Ладно, посмотрим еще, кто кого. А ну, все быстро в школу!

Курсанты переглянулись, поняв, что в этот раз победа осталась за ними, но спорить с Садюкиным не стали и, следуя приказу, побежали к школе милиции.

* * *

Несмотря на то, что ребята с утра уже поели, на школьный завтрак они все равно пошли. Дело в том, что каждая порция, которую выделяла каждому курсанту школьная повариха тетя Клава, была настолько маленькой, что ее бы не хватило, чтобы накормить котенка, не говоря уже о взрослом парне. А вот добавку у тети Клавы мог выпросить только Дирол, да и то потому, что он напоминал поварихе любовь ее юности, какого-то не известного никому Агафона. И вполне понятно, что курсанты вечно ходили полуголодными и радовались любой возможности поесть, причем поглощали все без разбора, лишь бы было съедобно.

– А здорово мы Садюкину рот заткнули, – радовался Леха за завтраком, то есть уже за вторым завтраком.

– Ага, только не мы, а я, – гордо поправил его Дирол, доедая последнюю ложку овсянки.

– А я думаю, он нам теперь мстить будет. Садюкин такое безнаказанным не оставляет, и тебе, Санек, больше всех достанется, – разумно предостерег Веня.

– Ничего, выкручусь, в первый раз, что ли, – беспечно отозвался Дирол и уже хотел было подняться из-за стола, чтобы отнести грязную тарелку, но тут на плечо его легла чья-то тяжелая рука.

Санек замер, боясь обернуться.

– Кажется, расплата уже пришла, – прошептал он. – Но почему так скоро?... Фрол Петрович, я не хотел вас шантажировать, я совсем не то имел в виду... – начал было лепетать Дирол, но повернулся и осекся на полуслове. Перед ним стоял вовсе не физрук, а руководитель их группы капитан Мочиллов.

– Чем это ты, Зубоскалин, Фрола Петровича шантажировал? – немедленно начал выпрашивать дотошный Мочиллов.

– Я? Э-э... ничем.

– Врешь.

– Вру, – согласился Дирол.

– Накажу, – пригрозил Глеб Ефимович.

– Не надо.

– Ладно, после завтрака жду в учительской, – высказал окончательное решение капитан и добавил: – Чтобы были все до единого.

– А нас-то за что? – обиженно воскликнул Пешкодралов. – Санек натворил дел, а мы все отвечать должны? Это несправедливо.

– Курсант Пешкодралов, вы не слышали приказа!? – немного повысил тон Мочиллов, но тут же, смягчившись, пояснил: – Мне нужно видеть вас по очень важному и срочному делу.

Леха, у которого после слов Глеба Ефимовича сразу отлегло от сердца, облегченно вздохнул и опустил на стул, а Кулапудов сказал:

– Хорошо, Глеб Ефимович, мы все будем через пятнадцать минут.

– Жду, – кивнул Мочиллов и вышел из столовой.

* * *

От столовой до учебного корпуса курсанты добрались без особых приключений, если, конечно, не считать многочисленных падений на скользком льду.

– И почему нам зимой коньки не выдают? – ворчал Пешкодралов, в очередной раз поднимаясь на ноги. – Как хорошо бы было.

– Ага, можно было бы в хоккей играть прямо во дворе школы, – поддержал его идею Антон Утконесов.

– Нет, ребята, лучше не надо, – неожиданно воспротивился Дирол.

– Почему? – удивился Леха.

– Потому что я на коньках кататься не умею, – смутившись, признался Санек.

– Так мы бы тебя быстро научили. Хочешь, в воскресенье сходим на стадион, возьмем напрокат коньки и я с тобой позанимаюсь? – предложил всегда готовый оказать помощь ближнему Федя.

– Лучше не надо, потому что у меня патологическая боязнь коньков. Не будем усугублять и без того серьезную болезнь, – сделал Санек трагическое лицо и при этом улыбнулся во все тридцать два белоснежных зуба. – Хорошо, что Садюкин не заставляет нас на коньках кататься, а то мне туго пришлось бы.

Дирол и не подозревал, что Фрол Петрович, который в это время вывернул из-за угла учебного корпуса, все слышал и мотал на ус.

– Вот теперь-то я знаю, как тебе, Зубоскалин, отомстить, – себе под нос пробормотал физрук и, злорадно усмехнувшись, заспешил прочь.

Мочиллов уже ждал курсантов в учительской. Когда те появились и выстроились перед преподавателем, Мочиллов начал свою речь:

– Курсанты, сегодня ко мне обратился с просьбой начальник Зюзюкинского отделения милиции уже известный вам полковник Стеблов.

– С какой просьбой? – не преминул вставить вопрос любопытный Дирол.

– Курсант Зубоскалин, не перебивайте преподавателя, – строго глянул на него Мочиллов, и Санек виновато потупился. А Глеб Ефимович продолжал: – Нужно расследовать одно очень странное преступление, а именно убийство некоего гражданина Мартышкина. После занятий вы немедленно отправитесь в отделение, дабы получить от полковника Стеблова более точные сведения об этом преступлении, а также указания о возможных поисках убийцы. Все поняли?

– А почему они сами не могут расследовать? – разумно поинтересовался Веня.

– Вот у полковника и спросите, – отрезал Мочиллов и махнул рукой, отпуская курсантов.

* * *

Стеколышки пока не пришли. Время уже близилось к обеду, а отделение милиции должно было вымерзнуть вместе со всем личным составом. В коридорах было пусто, потому что все сотрудники, запершись в своих кабинетах и включив обогреватели, пытались хоть как-то согреться. Некоторые, особо смысленные, избрали способ согревания получше. Например, у Чаелюбова, вопреки его фамилии, в чайнике был вовсе не чай, а водка, которую капитан периодически подливал себе в чашку. Дежурный Васюков то и дело нырял под стол, прикладываясь к бутылочке с самогоном, конфискованным этим утром у одного пьяницы, которого задержали милиционеры в соседнем квартале.

Стеблов про все это знал, но упрекнуть своих подчиненных не мог, так как понимал, что в обстановке медленного, но верного оледенения продуктивно работать ну никак нельзя. Правда, накачавшись спиртным, работать тоже нельзя, но зато в этом случае исчезала опасность смертельного переохлаждения. «Лучше пьяный милиционер, но живой, чем трезвый, но мертвый», – сделал мудрый вывод полковник, поднялся из-за стола, открыл железный сейф, разместившийся в углу кабинета, достал оттуда презентованную ему неким благодарным милиции за хорошую работу гражданином бутылку коньяка и вернулся на место.

Он не спеша открыл бутылку, налил немного себе в чашку и с наслаждением отхлебнул. Через секунду он почувствовал, как в животе начало разливаться вожаденное тепло. Залпом допив содержимое чашки, Василий Наумович довольно крикнул и налил еще, на этот раз вдвое увеличив порцию.

В общем, через полчаса бутылка опустела, а полковник Стеблов, согревшись, скинул шапку, перчатки, куртку, которые до сих пор снимать не рисковал из-за опасности замерзнуть прямо на рабочем месте, подпер щеку ладонью и тихонько затащил свою любимую «Наша служба и опасна, и трудна...».

* * *

Едва курсанты вошли в отделение милиции, как сразу почувствовали неладное. Здесь было так же холодно, как и на улице, а может, и еще холоднее. Дежурного при входе не оказалось, а потому ребята в нерешительности остановились, не зная, кому доложить о своем приходе.

– Странно, что никого не видно, рабочий день все-таки, – покрутив головой по сторонам, сказал Вень.

– Может, у них еще обед не кончился, – предположил Федя, и тут из-под стола дежурного послышалось какое-то мычание.

– Что это? – насторожился Леха. – Кажется, я слышал звук из-под стола. – И он уже хотел было посмотреть на мычащее существо, но близнецы его остановили.

– Я знаю, что это, – сказал Антон. – На отделение напали террористы, взяли всех в заложники, а дежурного связали и заперли под стол. Я в одном американском кино такое видел. К тому же, заметили разбитые окна? Наверняка это террористы сделали.

– Глупости, – отказался от этой версии Вень. – У нас не Америка, нашего милиционера так просто не возьмешь.

– Врагу не сдае-ется наш го-ордый «Варяг»... – завывала под столом «жертва террористов», как будто подтверждая слова Кулапудова.

– Ну, что я говорил, – победно глянул на сокурсников Кулапудов, сделал шаг, осторожно заглянул под стол и протянул: – О-о, да тут дело еще покруче нападения террористов обстоит.

Эй, товарищ, – позвал он, – вы не подскажете, где тут кабинет полковника Стеблова? Он нас вызывал.

Пьяный Васюков, а это был именно он, на секунду оторвался от почти опорожненной бутылки с самогоном, поднял замутненные глаза на склонившегося над ним Веню и глубоко-мысленно изрек:

– Никого дома нет, все ушли на фронт... то есть на задание, – и, отхлебнув еще немного, вдруг быстро заговорил: – Первый, Первый, прием. Я Второй. Прием. У нас кончается топливо.

– Как ушли? – не обращая внимания на странные действия дежурного, не поверил Кулапудов. – Но нас же вызывали.

Однако Васюков подтвердить этот факт категорически отказался, допил остатки содержимого бутылки и, подложив руки под щеку, улегся спать прямо под столом.

– Что делать будем? – поняв, что от дежурного ничего не добиться, обратился к друзьям Веня.

– Надо самим искать кабинет Стеблова, – предложил Федя, и все с ним согласились.

Ребята шли по коридору, внимательно вглядываясь в таблички на дверях, и удивление их возрастало с каждой секундой. Из-за каждой двери доносились пьяные смешки или обрывки песен.

– Странно, сегодня вроде не День милиции, – проговорил Леха, – а они все нажрались.

– Может, они заранее 23 февраля начали отмечать, – предположил Ганга и, бросив взгляд на очередную дверь, радостно воскликнул: – Вот мы и пришли!

Все посмотрели на табличку, где значилось: «Начальник отделения полковник В. Н. Стеблов». Веня решительно шагнул вперед и громко постучал.

– Кто там? – раздалось из-за двери.

– Это курсанты из школы милиции, – доложил Веня и толкнул дверь, но она не поддавалась.

– Какие курсанты? – продолжал допытываться Василий Наумович.

– Из школы милиции, – терпеливо объяснил Веня. – Нас в к вам направил Глеб Ефимович Мочиллов.

В кабинете послышалась какая-то возня, затем шаги, и через секунду дверь открылась. Василий Наумович, тщетно пытаясь сфокусировать взгляд на Вене, спросил:

– А ты Мочилова откуда знаешь?

– Я же говорю, что мы из школы милиции, а Глеб Ефимович является руководителем нашей группы.

– Скажи пароль, – вдруг выпалил Стеблов и сурово глянул на Кулапудова.

– Я его не знаю, – растерялся Веня и посмотрел на ребят: – Какой ему пароль нужен?

Остальные тоже не знали, а Стеблов, пьяненько хихикая, сказал:

– А раз не знаете, то я вас не пушу.

– Стойте, стойте! – неожиданно закричал Антон. – У нас топливо кончается.

Стеблов на минуту задумался, почесал в затылке и сказал:

– Ладно, сойдет и такой пароль, заходите.

Ребята победно переглянулись и прошли в кабинет, где было немного теплее, чем в коридоре.

– Чего надо? – усаживаясь за стол, спросил полковник.

– Нам ничего не надо, – покачал головой Кулапудов. – Это вы хотели, чтобы мы распутали убийство какого-то Мартышкина.

– А, так вот в чем дело, – наконец понял Василий Наумович. – Так бы сразу и сказали. Вы не обращайте внимания на мой nepотpeбный вид. Хулиганы окна поразбивали, поэтому пришлось отделению, чтобы холодной смертью не погибнуть, согреться народными средствами, – объяснил он повальную пьянку всего отделения.

Курсанты усмехнулись, но тут же вновь сделали серьезные лица, а полковник продолжал:

– Короче, этого Мартышкина убили, но его сначала надо найти.

– Как найти? – одновременно спросили Венья и Леха.

– А так, убили, а труп его украли, и теперь надо искать и убийцу, и труп, – вяло объяснил Стеблов. – Короче, я сам толком ничего не понял... – Он замолчал, вперив остекленевший вдруг взгляд в Дирола.

Санек от такого пристального взгляда немного смутился, но глаз не опустил.

– Молодец, – похвалил его полковник. – Мой взгляд немногие выдерживают... Так о чем это я? – спохватился он.

– О том, что вы и сами толком ничего не поняли, – подсказал Венья.

– Я все всегда понимаю, – строго глянул на него Василий Наумович. – В общем, вот вам адрес, идите к жене Мартышкина, она вам все расскажет, а я спать хочу. Да, и вот еще что, – вспомнил он. – О ходе расследования докладывать мне ежедневно.

– Есть, – хором ответили курсанты.

Ребята вышли из кабинета Стеблова в полной растерянности.

– Интересно получается, – возмущался Дирол, – найди то, не знаю что. Сами ничего толком не понимают, а нас на задание посылают.

– Оттого и посылают нас. Вот мы и должны не посрамить честь простого российского милиционера и при минимуме первоначальных сведений раскрыть преступление, – поучительным тоном проговорил Венья. – Знать бы еще только, с чего начинать...

По назначенному адресу курсанты добрались довольно быстро. Дом, в котором проживала гражданка Мартышкина, находился всего в нескольких кварталах от отделения милиции.

Дверь им открыли почти сразу же после того, как Федя постучал. На пороге предстала молодая и довольно симпатичная женщина с короткими светлыми волосами и большими карими глазами. Увидев перед собой чернокожего парня, она очень удивилась:

– А мне сказали, что придут курсанты из школы милиции, а не из Университета дружбы народов.

– А я и есть из школы милиции. Зовут Федором Гангой, – ничуть не смутившись, объяснил Федя.

– Он у нас сам дитя дружбы народов, – хихикнул за его спиной Дирол.

– Это как? – не поняла Наталья Александровна.

– Мама русская, папа африканец. Они подружились, влюбились, и получился Федя, – широко улыбнувшись, пояснил Санек.

– А-а, ну тогда проходите, дети дружбы народов, – распахивая дверь, пригласила женщина.

– Итак, что у вас произошло? – начал задавать вопросы Венья, когда все оказались в квартире.

Наташа, всхлипывая, но стараясь сдерживать слезы, рассказала о своем горе.

– Так вы говорите, милиция приезжала? – решил уточнить Венья. – Но почему они не взялись за это дело?

– Не знаю, – пожала плечами молодая женщина. – Это вы у их начальника спросите.

Мартышкина намеренно не призналась в истинной причине недоверия милиционеров к ее мужу, она очень боялась, что и эти ребята, узнав о проделках Николая, ей не поверят.

Но курсанты ни на миг не засомневались в словах Натальи Александровны. Через несколько минут в квартире Мартышкиных уже кипела работа по поиску следов преступления и улик, которые мог оставить преступник.

Курсанты исследовали каждый угол, осмотрели диван и пол перед ним, несколько раз прослушали будильник, звон которого так сильно напугал Наташу.

– Действительно, очень странное преступление, – посетовал Венья. – Ни тела, ни следов преступления, вообще ничего, что могло бы указывать на совершенное здесь убийство. А

когда вы домой с работы возвратились, дверь была открыта? – обратился он к Наталье Александровне.

– Нет, закрыта, – покачала головой та. – Я ее своим ключом открыла...

– А ничего подозрительного не заметили? – продолжал допытываться Кулапудов.

– Да нет, – немного подумав, ответила женщина.

– Думаешь, преступник в квартире прятался? – понял ход Вениных мыслей Федя.

– Почти уверен, – подтвердил Веня. – А долго вы в обмороке были?

– Минут пятнадцать, – посчитала Наташа. – Пока милиция не приехала.

– За это время преступник вполне мог вынести труп из квартиры, – сделал вывод Кулапудов.

– Как? Это же труп! А если его кто-нибудь увидел бы? – подал голос Пешкодралов. – Да и тяжело, наверное, одному мужика вытащить.

– Значит, их было двое, а может, и трое. Двое тащили, а третий следил, чтобы никто их не заметил. Наталья Александровна, – обратился Веня к Мартышкиной, – а вы когда домой возвращались, не заметили перед подъездом какую-нибудь незнакомую машину?

– Нет, никакой незнакомой машины не было, разве что старый «Москвич» нашего соседа Сергея Филипповича. Так у того драндулета воры давно все колеса поснимали, на нем и метра не проедешь.

– Да-а, – протянул Веня. – Идеальное преступление. Никто ничего не видел, никто ничего не знает, ни одной улики, а самое главное – даже трупа нет.

В это время Андрей, взяв швабру, начал возить ею под диваном, надеясь на то, что, может, хоть какая-то улика закатилась под него. Через минуту он извлек оттуда старые вонючие носки, судя по всему, мужские, запыленный тюбик губной помады фирмы «REVLON» и помятую черную кепку.

– Ой, что это? – поднимая кепку, спросила Наташа. – Это не наше.

– Как не ваше? – насторожился Андрей. – Вы хотите сказать, что кепка эта не принадлежит ни вам, ни вашему мужу?

– Вот именно, – подтвердила женщина. – Я ее первый раз вижу. Коля вообще никогда головные уборы не носил, даже зимой, так что я понятия не имею, откуда это, – она ткнула пальцем в кепку, – появилось у нас дома.

Веня взял из рук Андрея кепку и внимательно осмотрел ее.

– Пыли на ней почти нет, – через минуту констатировал он, – а это значит...

– Что лежит она здесь совсем немного времени, – закончил за него Федя. – И следовательно, ее мог обронить преступник.

– В такой мороз в кепке ходить. Бр-р, – поежился Леха. – У него, видно, крыша оттого и съехала, что все мозги отморозил.

– Как бы не так, – не согласился Веня. – Скорее всего, он ездит на машине, так что теплая шапка ему и не нужна. Вот, понюхай, чуешь, как бензином воняет?

Пешкодралов понюхал кепку и действительно почувствовал «неповторимый аромат» смеси бензина, машинного масла и еще чего-то, чему курсант не смог дать определения.

– У нас машины нет, – сообщила на всякий случай Наталья. – Коля и водить не умел.

– А как же мы найдем владельца этой кепки? – сразу ко всем обратился Дирол. – Знаете, сколько в городе владельцев машин и точно таких же кепок?

– Я знаю, как его найти, – подал голос Федя. – Надо привести Ирму.

Ирма, немецкая овчарка, была собственностью школы милиции и проживала на ее территории, то есть в общежитии, вместе со своим тренером и инструктором кинологом Шариковым. Собакой она была непростой. Будучи единственной служебной собакой в школе, она вполне уяснила себе собственную значимость, а потому и вела себя в соответствии со своим привилегированным положением. Чтобы заставить Ирму взять чей-то след, порой приходи-

лось сильно потрудиться, применяя всевозможные уговоры, уловки в виде кусочков мяса или намазанного маслом хлеба. Но зато если уж Ирма соглашалась немного поработать, то делала это со всем пылом, на какой только способна собачья душа.

Федя с близнецами отправились за Ирмой, а остальные продолжили осмотр квартиры.

* * *

Кинолог Шариков как раз в это время вывел свою питомицу на прогулку. Ирма, поводя из стороны в сторону треугольным черным носом, важно шествовала впереди своего хозяина. Когда Федя и близнецы приблизились, собака незлобно зарычала.

– Тихо, Ирма, это свои, – погладил ее по спине кинолог.

– Здравствуйте, – поздоровались Федя и близнецы и вкратце объяснили, что им нужно.

– Конечно, Ирму я вам дам, – не стал вредничать Шариков. – Но хочу предупредить, что она с утра не в самом лучшем расположении духа. На всех ворчит, злится.

– Может, ее покормить? – предложил Антон.

– Только что кормил, – сообщил кинолог. – Гулять ее еле вывел, упиралась.

– Ладно, давайте нам поводок, а там разберемся, – успокоил преподавателя Федя, взял поводок и сел рядом с Ирмой на корточки, приговаривая: – Кутя, кутя, славная Ирмочка.

Ирмочка славной, по всей видимости, себя не считала или, может, не хотела принимать комплименты от курсанта сомнительного внешнего вида. Она демонстративно отвернулась и легла на снег.

– Ну вот, еще лучше, – огорчился Ганга. – И как ее теперь поднимать?

– Отойди, я знаю, как с ней обращаться, – отстранил его Антон, взял Ирму на руки и потащил.

Однако едва он сделал пару шагов, как Ирма вырвалась из его рук и бросилась на спину идущего впереди Феде. Ганга такого коварного нападения не ожидал, он вскрикнул и грохнулся на четвереньки, а Ирма, удобно разместившись на его спине и вцепившись когтями в куртку, застыла с блаженным выражением на черно-коричневой морде.

– Эй, собака, ты что это удумала? – возмутился Ганга. – Слезай немедленно.

Но Ирма и не думала подчиняться приказу, наоборот, она еще пошевелилась, поудобнее устраиваясь, положила голову Феде на плечо и лизнула его в ухо.

– Вот видите, – извиняющимся тоном сказал Шариков. – Я же говорил, что она сегодня очень странно себя ведет.

– И что же мне делать? – все еще стоя на четвереньках, спросил Федя.

– Ну... – задумался кинолог. – Я бы вам посоветовал нести Ирму на спине.

– Гав, – сказала Ирма, соглашаясь со своим тренером.

– Все время? – испугался Федя.

– Не волнуйтесь, скоро ей это развлечение надоест, – успокоил его Шариков.

Федя вздохнул, понимая, что ничего другого ему не остается, как последовать совету Шарикова, осторожно поднялся и в полусогнутом положении медленными шагами направился к воротам. Близнецы, покатываясь от смеха, двинулись следом.

Однако, несмотря на обещание Шарикова, что Ирме скоро наскучит подобное развлечение, этого не произошло. Мало того, Ирма стала воспринимать Федю как личного извозчика, потому что, когда он замедлял шаг, она явно начинала нервничать, пинать его задними лапами в спину и тихонько поскуливать, мол, давай, вези быстрее. Прохожие с интересом посматривали на странную троицу курсантов, один из которых, чернокожий парень, тащил на своей спине огромную немецкую овчарку. Феде было очень неприятно от этих взглядов, хотелось скинуть со спины собаку, но он подбадривал себя тем, что милиционер ради поимки преступ-

ников должен выдерживать любые испытания, какими бы смешными или нелепыми они ни были. Так они и дошли до квартиры Мартышкиной.

Перед дверью квартиры, поняв, что до места назначения уже добрались, Ирма наконец соизволила слезть со своего «извозчика» и гордо вошла в предусмотрительно открытую перед ней Антоном дверь.

– Ура! Ирма пришла! – обрадовался их появлению Дирол. – А мы так ничего больше и не нашли, – уже менее радостным тоном сообщил он.

Ирма тем временем важно прошествовала в гостиную, окинула презрительным взглядом всех присутствующих и улеглась на пол, вытянув вперед мощные лапы.

– Она сегодня не в духе, – заранее предупредил уже пострадавший от капризного настроения овчарки Федя. – Так что советую вести себя с ней поосторожнее.

– Хорошо, – понимающе кивнул Веня, взял кепку, подошел к Ирме и начал говорить: – Уважаемая Ирма, не соизволите ли вы помочь нам в одном маленьком, но очень важном для нас деле.

– Р-р, – ответила Ирма.

– Это она так согласилась? – спросил Федю Антон, наблюдая за действиями Вени.

– Скорее, сказала, что подумает, – тихо предположил Ганга.

– Нам нужно найти хозяина вот этой кепочки, – продолжал уговоры Кулапудов. – Может, вы понюхаете хоть чуть-чуть?

Ирма повернула голову, втянула носом воздух, чихнула и снова отвернулась.

– Не действует, – печально констатировал Антон.

– Может, ей колбаски дать? – несмело предложила Наталья, которая тоже с интересом наблюдала за действиями Вени.

– Нам кинолог сказал, что она недавно поела, – покачал головой Федя.

– Эх, не умеете вы с женщинами обращаться, – умудренным тоном заметил Дирол. – Дайте я попробую.

Он подошел к Ирме, сел перед ней на колени, сложил руки как для молитвы и на манер восточных сказителей затараторил:

– О, несравненная и распрекраснейшая Ирма... э-э... Шариковна. Твои глаза как ясные звезды, щеки твои словно бархатное покрывало теплой ночи, нос твой подобен черносливу, наливающимся соком... Пожалуй, это я уже загнул, – себе под нос пробормотал он, но тут же продолжил: – Тело твоё такое гибкое и сильное...

– Э-э, Дирол, по-моему, ты увлекся, – всерьез начиная опасаться за душевное здоровье сокурсника, остановил его Веня. – Смотри, даже Ирма удивилась.

Собака действительно подняла голову и уставилась на Зубоскалина. На морде ее явно отражалось недоумение, что привело Дирола в полное отчаяние.

– Ну, Ирмочка, пожалуйста, помоги нам, – не зная, что еще сказать, взмолился он. – Если мы не найдем владельца этой кепки, Стеблов нас в порошок сотрет, а Мочиллов этот порошок по ветру развевает. Не дай погибнуть во цвете лет.

Как ни странно, искренняя мольба возымела так долго ожидаемый положительный эффект. Ирма хоть и с неохотой, но все же поднялась, понюхала кепку, повела носом из стороны в сторону и засеменила к входной двери.

– Ура, сработало! – разом закричали курсанты и побежали за овчаркой.

Ирма след взяла моментально. Что ни говори, а работу свою она знала превосходно. Собака спустилась по лестнице и выскочила из подъезда на улицу.

– Главное, ее не упустить, – приговаривал на бегу Веня.

– Надо было сразу ее за поводок хватать, – поучительно пробасил Пешкодралов.

– Не учи, без тебя знаю, – не совсем вежливо буркнул Кулапудов, замечая, как Ирма свернула за угол дома.

Курсантам пришлось ускорить бег. Через секунду они свернули за угол и тут же наткнулись на остановившуюся Ирму. Собака растерянно тыкалась носом в снег и скребла лапами.

– Смотрите, она что-то нашла, – проговорил Веня и принялся помогать Ирме откапывать находку.

Вскоре неизвестный предмет обнаружился. Это была бутылка из-под водки, причем на дне еще плескалось немного жидкости, а жестяная крышечка была плотно завернута на горлышке.

– Ага, значит, преступник пил водку и бросил бутылку в сугроб, – констатировал Кулапудов и, сунув бутылку под нос Ирме, приказал: – Искать, Ирма, искать.

Овчарка не заставила себя упрямить, понюхала бутылку и понеслась дальше. Однако на этот раз Андрей Утконесов успел удержать поводок и первым понесся за собакой. А Федя между тем припрятал найденную бутылку в карман в качестве вещественного доказательства.

Ирма, опустив голову к земле, петляя и иногда останавливаясь, бежала долго. Курсанты, занятые погоней за Андреем и Ирмой, даже перестали обращать внимание на то, куда ведет их собака. Они и не заметили, как пересекли несколько улиц и оказались в частном секторе. Поняли они это только тогда, когда овчарка остановилась у калитки одноэтажного, чуть покосившегося деревянного дома и громко гавкнула.

В ответ ей раздался лай из-за калитки, и огромная кавказская овчарка кинулась на забор, едва не повалив его. Ирма неожиданно испугалась, заскулила и спряталась от врага за спину не менее напуганного Андрея.

– Значит, преступник живет здесь, – оглядывая дом, проговорил Веня и хотел уже было постучать в калитку, как входная дверь на крыльце дома открылась и из нее вышла полная женщина лет пятидесяти.

– Вам кого? – спросила она, но ее вопрос потонул в неистовом лае кавказской овчарки. Тогда женщине пришлось прикрикнуть на своего питомца: – Пупсик, заткнись!

– Ничего себе пупсик, – усмехнулся Пешкодралов. – Этот пупсик любого из нас проглотит и воды запить не попросит.

Однако Пупсик, по всей видимости, хозяйку уважал, а потому быстро замолчал и полез в свою конуру. Женщина тем временем приблизилась к калитке и повторила свой вопрос:

– Вам кого?

– Милиция, откройте, – сделал суровое лицо, потребовал Веня.

– Ой, господи, неужто снова за кренделем моим пришли? – испугалась женщина. – Чего он опять натворил?

– Вы на какого кренделя имеете в виду? – растерялись курсанты, переглядываясь между собой.

– Да мужа моего, Ваньку Недоделова.

– Вот-вот, именно его нам бы и хотелось увидеть, – тут же подтвердил Веня. – А это случайно не его кепка? – решил уточнить он, протягивая через забор найденную в квартире Мартышкиных кепку.

Женщина взяла протянутую ей вещь, покрутила в руках, зачем-то понюхала и, сощурив глаза, прошипела:

– Точно его, гада. А где нашли-то?

– У одной женщины...

– Ага, я так и знала, – злорадно воскликнула Недоделова. – Мало того, что бандит бандитом, пьяница, так еще и по бабам шляется. А ну-ка, проходите в дом, – воинственным тоном приказала она курсантам и открыла калитку.

Ребята один за другим просочились мимо конуры Пупсика к крыльцу. Однако Ирма войти во двор категорически отказалась. Она села возле калитки и, подняв голову, жалобно

заскулила. Пришлось Феде снова взваливать Ирму на плечи и таким образом переносить к крыльцу.

– Собаку в дом не ведите, – сразу предупредила Недоделова.

– Но ее одну тут нельзя оставлять, – расстроились ребята.

– Она вашего Пупсика загрызет, – сделав страшные глаза, предостерег Федя.

Однако на хозяйку дома предостережение не возымело никакого действия, она уперла руки в бока и сказала:

– Хотя я и переживаю за Пупсика, но в дом вашу собаку все равно не пущу. Пускай лучше кто-нибудь здесь останется.

– Тогда, Федя, придется тебе с Ирмой тут побыть, – вынес решение Веня. – Видишь, она тебя уже почти полюбила.

Ирма действительно прижалась к ноге Ганги и жалобно взглянула в глаза курсанта. Федю этот взгляд так растрогал, что он молча согласился защищать собаку от страшного Пупсика.

В доме было тепло и пахло пирожками с капустой.

– Прямо как у нас в деревне, – блаженно принюхиваясь, пробормотал Пешкодралов.

– Так где ваш муж? – приступил к делу Веня, оглядывая небольшую прихожую, в которой было несколько дверей.

– В комнате, дрыхнет. Где же ему еще быть, пьянице проклятому, – махнула рукой хозяйка в направлении одной из дверей.

– Проводите нас, – строго приказал Веня, и женщина повиновалась.

Она провела курсантов в комнату, где на диване лежал тщедушный пьяный мужичонка в замасленных брючках и такой же замасленной рубашке.

– Вот он, гад, напился, меня побил и спать завалился, – с ненавистью глянула на супруга женщина.

– Хр-р, – как будто в ответ на упреки всхрапнул Недоделов.

В этот момент на крыльце раздался жуткий лай, и Недоделова, бросив курсантам: «Я посмотрю, что там», бросилась в прихожую.

Близнецы Утконесовы общими усилиями усадили Недоделова на диване, от чего тот немного пришел в себя и даже приоткрыл один глаз, а Веня начал допрос:

– Это вы Иван Недоделов?

– Я, – мотнул головой мужик.

– А вот эта кепка ваша?

– Моя, – снова согласился Недоделов, даже не взглянув на головной убор.

– Тогда скажите, вы знаете Николая Мартышкина? – продолжал допрос Кулапудов.

– Не знаю, – на этот раз отрицательно мотнул головой мужчина.

– Притворяется, что был не знаком с жертвой, – объяснил его ответ Андрей.

– Точно, – согласился с ним Веня и задал новый вопрос: – Тогда как вы нам объясните то, что ваша кепка оказалась в квартире убитого сегодня ночью Николая Мартышкина?

– М-м, – сказал Недоделов, закрывая глаза и начиная заваливаться на бок, но близнецы вновь вернули его в сидячее положение.

– Отвечайте, – потребовал Веня. Но Недоделов снова уснул, о чем возвестил тоненький храп.

В этот момент вернулась его жена.

– Там ваша собака с моей гавкают, а так ничего страшного, – объяснила она.

– Надеюсь, Федю они не тронут? – забеспокоился Веня.

– Это черненького, что ли? Нет, Пупсик его боится, – успокоила хозяйка дома. – Он таких людей никогда не видел.

– К сожалению, от вашего мужа мы ничего не добились, так что придется поговорить с вами, – обратился к женщине Кулапудов.

– Что ж, говорите, я разговоры люблю. А может, чаю с пирожками? – неожиданно спохватилась она.

От такого предложения курсанты не смогли отказаться и вскоре уже сидели за кухонным столом, поглощая пышные, румяные пирожки с капустой.

– Ну, что произошло? – первой заговорила Недоделова, которую, как оказалось, звали Валентиной Петровной.

– Понимаете, сегодня ночью произошло убийство на соседней с вами улице. В квартире убитого Николая Мартышкина мы нашли кепку вашего мужа, привели собаку, а уж она, в свою очередь, притащила нас сюда, – начал говорить Веня, а остальные согласно закивали.

– Вот это да! – вытаращила глаза Валентина Петровна. – А как кепка этого ирода в доме убитого оказалась?

– Вот это мы бы и хотели узнать, – вздохнул Веня и взял еще один пирожок с огромного блюда. – Кстати, а кем ваш муж работает?

– Да слесарем, раньше, правда, шофером был, но как пить начал, его и выгнали с работы, – пожаловалась хозяйка.

– Так вот почему кепка бензином пахнет, – догадался Дирол. – Она, наверное, за то время, пока он шофером был, так запахом бензина пропиталась, что теперь уже никогда не выветрится.

Недоделова слушала, а в голове ее тем временем зрел коварный план устранения ненавистного супруга. Валентина Петровна очень устала от пьянства мужа, но еще больше устала от его побоев. Сколько раз соседки говорили ей, чтобы бросила она своего Ваньку. Недоделова соглашалась, кивала, но продолжала терпеть. Она боялась, что если сбежит, то муж ее найдет и тогда совсем убьет. А тут вдруг шанс избавиться от проклятого мучителя сам собой представился. В самом деле, почему бы не сказать милиции, что Ванька ее и убил этого Мартышкина, авось и посадят ненавистного муженька в тюрьму, а она хоть поживет спокойно на старости лет.

– А скажите, пожалуйста, ваш муж сегодня ночью дома был? – прожевав, спросил Кулапудов.

Услышав этот вопрос, Валентина Петровна поняла, что вот он, решающий момент. Сейчас должна определиться ее дальнейшая жизнь, а вот насколько она будет счастливой и спокойной, это уже зависит от нее самой. Размышляя над этим вопросом, коварная женщина ни на минуту не задумалась о судьбе собственного супруга. Единственным чувством, которое овладело Недоделовой, была жажда мести за свою, как она считала, погубленную молодость и красоту.

Валентина Петровна тяжело вздохнула, приложила ладонь к груди и грустно посмотрела на Веню. Того реакция женщины очень удивила, и он спросил:

– Вы что-то знаете?

Недоделова снова вздохнула и попыталась пустить слезу, но у нее ничего не получилось. Тогда женщина потупила взгляд и тихо сказала:

– Ой, милые, даже и не знаю, как сказать-то...

– А вы говорите как есть, – попытался морально поддержать ее Дирол.

– А есть так, что Ванька мой еще вчера вечером ушел куда-то, а вернулся только сегодня утром пьяный. Где он все это время шлялся, я не знаю. А теперь вот вы говорите, что его кепку в доме убитого нашли. Господи-и-и, – неожиданно завывала Валентина Петровна, – да что ж это за жизнь така-ая.

На этот раз Недоделовой наконец удалось заплакать, и она принялась старательно лить слезы, всхлипывать и сморкаться в кухонное полотенце.

Курсанты жутко растерялись, увидев слезы женщины. Им еще не приходилось допрашивать плачущих свидетелей. Первым пришел в себя Дирол. Он, вспомнив, как это обычно

делают в кино, вскочил, налил в стакан воды и сунул его под нос Валентине Петровне со словами:

– Выпейте, вам легче станет.

Недоделова на минуту замолчала, взглянула на Дирола, потом на стакан, видимо, решила, что пить ей не хочется, и снова закатилась в плаче.

– Да как же тут легче станет, – рыдала она. – Он ведь пришел весь...

– Пришел весь – что? – тут же ухватился за последнюю фразу Кулапудов.

– Или весь в чем? – подхватил Дирол.

– В крови, – неожиданно выдала Недоделова.

– В чем?! – в один голос закричали курсанты.

Возглас Валентину Петровну так испугал, что она не то что плакать, даже всхлипывать перестала и уставилась на ребят.

– Простите, в чем, вы сказали, он пришел? – решил уточнить Веня.

– В крови, – честно глядя в глаза курсанта, соврала женщина.

В комнате на несколько секунд наступила полная тишина. Недоделовой это не очень понравилось, она даже подумала: не надо было говорить, что муж весь в крови пришел. Сказала бы, что кровь только кое-где на одежде виднелась. И тогда женщина решила исправить положение. Однако только она собралась заявить, что не все так страшно было, как вдруг Антон Утконесов громко выразил общую догадку:

– Ну вот, кажется, мы и нашли убийцу Мартышкина.

– Где же он? – не поняла Недоделова.

– А он, уважаемая Валентина Петровна, спит в соседней комнате, – пояснил Антон. – Ваш муж, судя по всему, этой ночью совершил убийство. И улики все против него.

– Он не мог этого сделать, – всхлипнула хитрая Валентина Петровна, которая решила играть роль несчастной жены убийцы, чтобы никто не догадался о ее коварном замысле.

Курсанты, естественно, на эту уловку купились, и им стало очень жаль хозяйку дома, но подделать они ничего не могли, ибо, как учил их капитан Мочиллов, закон для настоящего милиционера должен быть превыше всего, и уж тем более превыше жалости. Веня вспомнил об этой заповеди первым, а потому немедленно заявил:

– Нужно начинать допрос подозреваемого.

– Ага, нужно, только он сейчас и двух слов связать не может, – охладил его пыл Антон. – Разве что его методом телепатии допрашивать.

– Чего? – вытаращила глаза Валентина Петровна. Она очень испугалась нового для нее слова и решила, что оно означает какую-то новомодную пытку, придуманную милиционерами для допроса особо упорных преступников. – Вы только его не очень мучайте, – попросила она.

– А с чего вы взяли, что мы его мучить будем? – в свою очередь удивился Дирол.

– Ну, вы же сами сказали, что будете его пытаться, то есть допрашивать методом этой... телепатии, что ли, – пояснила Недоделова.

Близнецы Утконесовы так и прыснули, Веня только слегка улыбнулся, Леха, не стесняясь, захохотал во весь голос, а Санек, покрутив пальцем у виска, принялся объяснять:

– Телепатия – это не пытка, а чтение мыслей другого человека. Понятно?

– Понятно, чего уж тут не понять, – пожала плечами женщина. – Только вы в Ванькиной голове все равно ни одной мысли не прочитаете, потому что их у него просто нет. Мозги-то он свои давно про-пил, а без мозгов какие могут быть мысли...

– Так, хватит, – прервал эти ни к чему не ведущие рассуждения Кулапудов. – Вы, Валентина Петровна, согласны подтвердить свои показания в письменном виде?

– А это как? – подозрительно глянула на курсанта Недоделова.

– Ну, сейчас вы напишете на бумаге все, что нам рассказали, и поставите свою подпись, – пояснил Веня.

– Хорошо, – согласилась хозяйка. – Только я с ошибками пишу.

– Это неважно, – успокоил ее Кулапудов. – Главное, чтобы вы все подробно написали и поставили свою подпись.

На дачу показаний в письменном виде у Валентины Петровны ушло добрых полчаса. То ей не нравилось какое-нибудь слово, то Веня находил в ее предложениях недопустимые выражения.

– Валентина Петровна, ну зачем вы обзываете своего мужа иродом и супостатом? – в который уже раз наставлял Веня женщину. – Так в показаниях писать нельзя.

– А как же еще? – искренне недоумевала Валентина Петровна. – Ирод он и есть ирод. Мне даже по имени его назвать-то стыдно.

– И тем не менее лучше написать его имя и даже отчество. Хотя... отчество можно и не писать, – немного подумав, решил курсант.

Вскоре показания общими усилиями все-таки были закончены. Веня аккуратно сложил бумагу вдвое и убрал в карман, потом повернулся к своим сокурсникам и сказал:

– А теперь надо подумать, что нам с Недоделовым делать.

– А чего тут думать, – решил за всех Пешкодралов. – Заберем его с собой, отвезем в отделение, а они уж пусть его и допрашивают.

– Ты забыл, что в отделении ни одного трезвого не осталось, – разумно напомнил Веня. – Кому мы его сдавать-то будем? Пьяному дежурному, который, наверное, под своим столом до сих пор «топлива» ждет?

– Но ты же не предлагаешь его здесь оставлять? – с подозрением посмотрел на него Санек. – А вдруг сбежит?

– Не сбежит, – успокоил его Кулапудов. – Валентина Петровна ему сбежать не даст. Так ведь? – повернулся он к хозяйке дома.

– Истинный крест, не дам, – перекрестилась Недоделова. – Хоть и тяжело мне, что муж убийцем стал, но раз уж такое дело, то придется послужить Родине и отдать бандита властям.

– Во дает бабулька, – шепнул на ухо Антону Андрей. – Говорит даже лучше, чем Мочила. А сколько патриотизма!

– Значит, на том и порешим, – подвел итог Кулапудов. – Вы, Валентина Петровна, своего мужа ни на миг из поля зрения не выпускайте. Понятно?

– Понятно, – неистово закивала Недоделова. – Уж я ему покажу...

– А вот показывать ничего не надо, – остановил ее Веня. – Он не должен знать, что подозревается в убийстве, иначе он может и не посмотреть, что вы его жена.

– Ой, и правда, – согласилась Недоделова. – Еще чего доброго и меня порешит.

– Вот именно, так что ведите себя как обычно, а утром за ним приедет наряд милиции. И не отходить от него ни на шаг. – Сказав это, Веня повернулся и направился к выходу.

– Стойте! – крикнула ему вдогонку Валентина Петровна. – А если он в уборную пойдет?

– Я же сказал, не отпускать ни на шаг, – отрезал Веня и вышел из дома.

Остальные ребята, попрощавшись с хозяйкой, тоже вышли. То, что ребята увидели во дворе дома Недоделовых, повергло их в крайнее изумление. Нет, ничего страшного лицезреть курсантам не пришлось, наоборот, представшая их взору картина заставляла умиляться чуть ли не до слез. Возле будки Пупсика на корточках сидел Федя, поглаживая живот хозяину собачьего жилища, распластавшемуся у ног курсанта. Ирма же, положив лапы на плечи Ганги, сладострастно вылизывала его левое ухо, не прикрытое шапкой. Видимо, занималась она этим давно, потому что Федино ухо сверху уже покрылось тоненькой корочкой льда, образовавшейся из собачьей слюны.

– Вот это любовь! – хихикнул Дирол и крикнул Ганге: – Федя, вам теперь хоть шведскую семью образовывай.

– Спасибо, но я пока семью заводить не собираюсь, – откликнулся Федя. – Мама говорит, сначала выучиться надо, а потом и о женитьбе думать.

– Правильно твоя мама говорит, – согласился Веня. – Но скажи нам, Федя, чем вызвана такая метаморфоза в поведении этих зверей?

Федя наконец выпрямился и, потупившись, признался:

– Я их вещественным доказательством напоил.

– Каким еще доказательством? – не сразу поняли курсанты.

– Ну, водкой, которую Ирма в сугробе нашла, – пояснил Ганга. – Они тут гавкались, гавкались, а потом Ирма у меня вырвалась и как кинется на Пупсика. Я ее стал оттаскивать, но какое там, бесполезно. Они бы точно друг друга загрызли, если бы у меня из кармана эта бутылка не вывалилась. Ну вот я и подумал, что если плесну на них, то, может, они хоть на секунду успокоятся, а я в это время Ирму и оттащу подальше. Только эффект оказался совершенно неожиданным. Я же плеснул им прямо на морды, они и хлебнули, теперь у них, кажется, любовь друг к другу открылась.

– Ага, друг к другу, а заодно и к тебе, – хмыкнул Пешкодралов. – Только как мы теперь пьяную Ирму Шарикову сдавать будем?

– Скажем, что она сама нечаянно хлебнула, – отмахнулся Веня.

– А почему Ирму сдавать надо? Разве мы больше не будем улики искать? – удивился Федя.

– Нет, нам теперь улики ни к чему, потому что мы уже убийцу нашли, – обрадовал друга Дирол. – Представь себе, им оказался пьяница и дебошир Недоделов, – объявил он и передал Феде весь разговор с Валентиной Петровной.

– Вот это новость, – поразился Федя. – Все так просто разрешилось.

После этого курсанты, поразмыслив, решили не ходить пока в отделение, так как там все равно до завтрашнего утра невозможно найти ни одного трезвого сотрудника, а пойти сначала к Наталье Мартышкиной, рассказать, что убийцу ее мужа нашли, а потом предстать перед Мочилковым и объявить об успешном раскрытии дела.

Однако едва ребята направились к калитке, как тут же обнаружилась новая проблема. Хлебнув пьянящего напитка и под его воздействием влюбившись в своего недавнего заклятого врага, Ирма теперь категорически отказывалась расставаться с Пупсиком, и все попытки курсантов оттащить собак друг от друга заканчивались оглушительным воем и лаем обоих животных.

– Ну что теперь с ними делать? – развел руками Федя.

– Может, попробовать пообещать Ирме, что мы ее еще раз сюда приведем? – предложил Дирол.

– Не думаю, что она на это согласится, – покачал головой Веня. – К тому же она сейчас пьяная, а пьяные женщины такие непредсказуемые.

– Кто это тут еще пьяный?! – застегиваясь на ходу, выскочила на крыльцо Валентина Петровна, которой показалось очень странным, что курсанты так долго не уходят. – Мало мне муженька, что ли?

– Да вот собачки нечаянно водки хлебнули из бутылки, которая является вещественным доказательством, и влюбились. Теперь мы нашу Ирму увести не можем.

– Знаете, а вы не хотите из вашего Пупсика служебного пса сделать? Наш кинолог Шариков его быстро всему обучит, – неожиданно высказался Федя.

– Еще чего, – возмутилась Недоделова. – Я своего Пупсика на службу не отдам и тем более не позволю водиться со служебными собаками. Ваша Ирма моему Пупсику не пара, и все тут.

Услышав это, Ирма неожиданно подняла голову, тоскливо взглянула на Недоделову, потом повернулась к Пупсику, лизнула его в нос и засеменила прочь со двора.

Курсанты кинулись за ней, боясь, что Ирма от расстройства чувств может чего доброго и сбежать. Однако овчарка и не думала убегать. Понуро шла по улице, и вид у нее был такой несчастный, что всех ребят пронзило острое чувство жалости.

– Ирма, не расстраивайся, – успокаивал собаку Федя. – Подумаешь, ты этому Пупсику не пара! Да кто он такой, этот Пупсик? Так, домашний прихвостень, дворовая собачка. А ты у нас настоящая героиня, любой пес за один твой взгляд последнюю кость отдаст. Ты же не только Шарикову служишь, ты всей стране пользу приносишь, а не то что этот доморощенный увалень.

Ирму, по всей видимости, такая длинная тирада очень впечатлила. Она остановилась, посмотрела на Федю, немного подумала, потом сказала: «Гав» и лизнула Ганге ладонь.

– Ну вот и замечательно, – обрадовался Федя и погладил Ирму по голове.

3

В квартире Мартышкиных никого не оказалось. Курсанты звонили в дверь добрых пять минут, но им так никто и не открыл.

– Странно, где же Наталья Александровна может быть, ведь час-то уже поздний? – удивился Антон, взглянув на свои наручные часы.

– Может, она на работе, – предположил Леха.

– Не может, – покачал головой Веня. – Насколько я понял, прошлой ночью она работала в ночную смену, а значит, сегодня у нее выходной.

– Тогда она в магазин пошла, – высказал догадку Андрей.

– Ну ты даешь, – усмехнулся Антон. – У нее мужа убили, а она по магазинам, что ли, разгуливает?

– Тогда где она? – вспыхнул Андрей. – Может, ты знаешь?

– Не знаю, – вздохнул Антон.

Но не успели курсанты окончательно озадачиться исчезновением гражданки Мартышкиной, как она сама появилась на лестнице. Щеки ее покраснелись, и на лице блуждала странная улыбка, какая бывает у тихих сумасшедших. Однако при виде курсантов улыбка тут же сползла с лица женщины, и Наталья Александровна удивленно спросила:

– Ой, а что это вы тут делаете?

– А где вы были? – вопросом на вопрос отозвался Веня.

Мартышкина растерялась, забегала глазами, а потом сказала:

– Да я к подруге ходила, невыносимо мне одной дома сидеть, после того как... – Она не договорила и начала всхлипывать.

– Наталья Александровна, – не давая женщине окончательно расплакаться, приступил к делу Кулапудов, – кажется, мы нашли убийцу вашего мужа.

– Как? – вытаращила глаза Наташа. – И мужа тоже нашли?

– Нет, тело пока не найдено, но думаю, это лишь вопрос времени. Скоро подозреваемого допросят, и он скажет, где спрятал тело вашего мужа, – пояснил Веня.

На лице женщины отразилось такое изумление и недоверие, что курсанты даже подумали, что она вот-вот упадет в обморок, а потому близнецы Утконесовы предусмотрительно встали позади нее, чтобы не дать ей упасть. Однако Мартышкина в обморок падать не стала, а только напряженно спросила:

– И кто же он, этот убийца?

– Некий гражданин Недоделов, местный слесарь, пьяница и дебошир, – опередив Кулапудова, доложил Дирол.

– А... а зачем он его убил? – с какой-то странной улыбкой спросила Наталья Александровна.

– Вот это мы и собираемся узнать завтра утром, сейчас подозреваемого допросить просто невозможно по причине сильного опьянения, – объяснил Веня. – Ирма привела нас к его дому, жена опознала кепку и сообщила, что муж ее не ночевал дома, а вернулся под утро весь в крови.

Наталья Александровна посмотрела на Веню как на умалишенного и вдруг, яростно замотав головой, забормотала:

– Нет, этого не может быть. Этого просто не может быть...

– Почему? – удивился Кулапудов.

– Да потому что... – начала было женщина, но тут же осеклась, закрыла рот ладошкой, как будто боялась о чем-то проболтаться, и сказала: – Не может, потому что Коля ни с какими слесарями знакомство никогда не водил. Да и с чего бы какому-то пьянице моего мужа убивать?

– Вот это мы и хотим выяснить, – заметил Кулапудов.

– Тогда выясняйте, – безразлично пожала плечами Мартышкина, и на ее лице вновь появилась странная улыбка.

– Гляди, видимо, она совсем свихнулась, – шепнул Феде Пешкодралов. – Мы ей про убийцу мужа рассказываем, а она улыбается.

– Ага, если бы ты близкого человека потерял, то и у тебя, наверное, крыша бы поехала, – отозвался Ганга.

Наталья Александровна тем временем открыла дверь квартиры и, повернувшись к курсантам, тихо сказала:

– Вы меня извините, но мне нужно побыть одной. Я так устала за сегодняшний день...

– Конечно, конечно, – успокоил ее Веня. – Мы пойдем. Если что-то выяснится насчет убийства вашего мужа, то вы узнаете об этом первая.

– Да, да, хорошо, – растерянно пробормотала Мартышкина и закрыла за собой дверь.

– Вам не показалось, что Наталья Александровна как-то странно себя вела? – обратился к ребятам по дороге в школу Веня.

– В смысле? – не понял Антон.

– Ну, улыбочка эта дурацкая, как будто у нее вдруг проявилась начальная стадия шизофрении. И потом, она сначала сказала, что ей невыносимо дома оставаться, а потом решила побыть одна. Что-то тут не так...

– Да все нормально, – перебил его Федя. – Дома она боялась оставаться из-за боязни, что вдруг убийца вернется, ведь убийцы всегда возвращаются на место преступления.

– Вот дураки, – хохотнул Санек. – Их же поймать могут.

– Вот это их и тянет на место злодеяния. Психология у преступников такая, – вздохнув, пояснил Федя.

– А ты откуда знаешь? – с опаской глянул на него Санек.

– Эх, Дирол, если бы ты на лекциях хоть иногда обращал внимание на то, что говорит преподаватель, и ты бы знал, – поучительным тоном заявил Ганга.

Дирол мгновенно надулся, но пререкаться больше не стал, зная, что Федя все-таки прав.

– Тем не менее она очень странно себя вела, – покачал головой Веня.

* * *

Шарикова ребята встретили у ворот школы. Не успели они подойти ближе, как кинолог накинулся на них с упреками:

– Ребята, ну разве так можно. Вас же целый день не было. Я уже беспокоиться начал.

– Простите нас, – за всех извинился Федя. – Обстоятельства вынудили. Зато теперь вы можете Ирмой гордиться, она сегодня выследила особо опасного преступника.

– Правда? – уже более дружелюбно спросил Шариков.

– Правда, – одновременно кивнули все курсанты.

– Ирмочка, какая ты у меня молодец, – зашебетал кинолог, наклоняясь к собаке. Но тут он принюхался, поморщился и спросил: – А что это за запах? Вы ее что, водкой напоили?

– Заметил все-таки, – процедил Веня и поспешил исправить неловкую ситуацию. – Понимаете, Ирма нечаянно хлебнула водки, но зато она перестала капризничать и начала вести себя очень хорошо. Даже ни разу не попыталась к Феде на спину залезть.

– Да? – не поверил Шариков. – Хм, может, стоит ей иногда наливать крышечку-другую, а то порой с ней невозможно сладить.

Сказав это, Шариков взял Ирму за поводок и направился в общежитие, а курсанты двинулись в учительскую, где, по их расчетам, в это время должен был находиться капитан Мочиллов.

Расчеты оказались верными, Глеб Ефимович действительно сидел за одним из столов в учительской и корпел над очередным учебным планом. Надо сказать, составление, исправление и усовершенствование учебных планов было излюбленным занятием капитана.

– Глеб Ефимович, к вам можно? – осторожно заглянул в учительскую Дирол.

Мочиллов поднял голову от бумаг и недовольно взглянул на курсанта.

– Что еще у тебя случилось, Зубоскалин? – спросил он.

– Это не у меня случилось, а у всех нас. Можно войти?

– Ну, входи, коли не шутишь, – озадаченно хмыкнул Мочиллов.

Санек махнул рукой, и через минуту вся группа уже стояла в учительской, выстроившись перед Глебом Ефимовичем. Мочиллов окинул курсантов внимательным взглядом, и на лице его промелькнула догадка, которую он тут же и высказал:

– Если вы все заявили, значит, есть какие-то сведения по тому делу, на которое вас пригласила милиция. Так?

– Так точно, – одновременно гаркнули курсанты.

– Тогда рассказывайте, что произошло, – милостиво позволил капитан. – А раз Зубоскалин решился заглянуть сюда первым, то ему и предоставим слово. Говори, Зубоскалин.

Санек глянул на своих товарищей и, заметив на их лицах одобрительное выражение, начал говорить:

– Товарищ капитан, убийца Николая Мартышкина найден. Им оказался гражданин Недоделов Иван Иванович, по профессии слесарь.

– Вот так новость! – присвистнул Глеб Ефимович. – Давайте-ка все по порядку.

Пришлось Диролу подробно изложить все сегодняшние приключения группы, начиная с осмотра квартиры Мартышкина и заканчивая дачей свидетельских показаний гражданкой Недоделовой.

– Интересно, очень интересно, – пробормотал Мочиллов, когда Санек замолчал. – Но где же тогда труп?

– Не могу знать, товарищ капитан, – пожал плечами Дирол. – Возможно, Недоделов нам сам и расскажет, куда спрятал свою жертву, когда протрезвеет.

– А если удерет? – засомневался Глеб Ефимович.

– Не удерет, – успокоил Веня. – Мы к нему охрану надежную приставили. А вот это, – он вытащил из кармана письменное признание Недоделовой и протянул его Мочиллову, – свидетельские показания его супруги. Мы подумали, что лучше пусть они у вас побудут.

– А почему Стеблову не отнесли? – принимая бумаги и внимательно просматривая их, спросил капитан.

Пришлось курсантам рассказать и про инцидент в отделении милиции, случившийся то ли по вине неосознательных стекольщиков, то ли просто от недогляда начальства.

– Что творится, – покачал головой Глеб Ефимович. – Вы смотрите, никому про это не рассказывайте. У милиции тоже тяжелые дни бывают, – решил он заступиться за все отделение.

– Есть, – снова хором ответили курсанты.

– Ладно, можете идти, – отпустил группу Мочиллов. – Завтра я сам Стеблову позвоню и все ему расскажу. Спокойной ночи.

Курсанты развернулись, вышли из учительской и наперегонки бросились из школы в столовую, надеясь, что там еще хоть что-то осталось из еды и на их долю, ведь, судя по времени, ужин уже подходил к концу.

Они не ошиблись. Тетя Клава, предупрежденная Мочилловым о важном задании его группы, оставила ребятам по одной порции картофельного пюре и по две куриные котлеты. Ребята сердечно поблагодарили ее, поели и, довольные собой, отправились спать.

* * *

Пока курсанты спали и видели сладкие сны о том, как завтра им будет выносить особую благодарность полковник Стеблов за быстрое и профессиональное раскрытие убийства, в доме подозреваемого Недоделова разыгрывалась настоящая трагедия.

Проводив курсантов, Валентина Петровна радостно потеряла ладошки в предвкушении скорого избавления от мужа-ирода, пробормотала: «Теперь-то я поживу спокойно», – и стала заниматься домашними делами, прислушиваясь, не проснулся ли муж. Муж не просыпался очень долго, и Недоделова, решив, что теперь он, видимо, будет отсыпаться до самого утра, тоже решила лечь спать.

Она прошла в другую комнату, разобрала постель и вдруг подумала, что, пока она будет отдыхать, ее Ванька может проснуться и уйти, чтобы поискать опохмелиться, как обычно он и делал. А такому она никак не могла позволить случиться, иначе никогда ей от Ваньки не избавиться.

Постояв с минуту, Валентина Петровна решительно стащила с кровати матрас, подушку и одеяло, волоком переместила все это к двери в спальню, где почивал ненавистный супруг, разровняла как следует и улеглась.

То ли женщина устала за этот день, переделав кучу работы по дому, то ли приятные перспективы счастливой жизни без скандалов и побоев успокоили и согрели душу, но уснула Валентина Петровна очень быстро. И приснился ей сон, будто Ванька ее вдруг помолодел да похорошел. Идет он к ней в новом костюме, в руках цветочки, а из кармана пиджака бутылка шампанского торчит. Смотрит на него Валентина Петровна, и душа у нее словно соловей поет.

– Здравствуй, Валюсик, – говорит ей Ваня.

– Здравствуй, Ванечка, – отвечает Недоделова и спрашивает: – Откуда же ты такой красивый?

– Из тюрьмы, – признается Иван. – Видишь, как тюрьма людей перевоспитывает. Раньше-то я плохим был, дрался, но теперь понял, что так нельзя, надо ближних любить, а особенно свою жену, то есть тебя, Валюсик.

И чувствует Валентина Петровна, как сердце ее при этих словах начинает биться сильно-сильно и даже вроде бы перемещается куда-то в район желудка. А удары становятся все сильнее и сильнее, и вот уже совсем невмочь становится терпеть эту боль...

Недоделова застонала во сне и открыла глаза. Однако удары не прекратились, мало того, где-то рядом послышались приглушенные ругательства. Валентина Петровна уселась на матрасе, огляделась и только теперь поняла, что являлось причиной ее боли. Видимо, пока она спала, муж проснулся и решил выйти из комнаты, но не тут-то было. Дверь оказалась снаружи чем-то намертво придавленной. Ваня, никак не ожидавший такого подвоха в собственном доме, начал злиться и решил толкать дверь до тех пор, пока она не поддастся. А так как дверь оказалась придавленной Валентиной Петровной, то все удары достались бедной женщине. Естественно, все свои действия Недоделов сопровождал ругательствами и призывами на помощь собственной супруги.

Валентина Петровна поднялась на ноги, отодвинула свою импровизированную постель в сторону и, приложив губы к дверной щели, прокричала:

– Чего буянишь, вредитель проклятый?!

– Открывай дверь, извергиня! – в тон супруге заорал Иван. – Иначе убью!

– Тогда не открою, – категорически отказалась подчиняться женщина. – А чего тебе надо-то, что ты так из комнаты выйти хочешь?

– Смерти твоей.

– Чего нет, того нет, – отрезала Недоделова. – А значит, придется тебе до утра запертым посидеть.

В комнате на некоторое время наступила тишина, лишь изредка нарушаемая недовольным бормотанием супруга. Затем раздались шаркающие шаги.

– Ты чего там ходишь, а? – не выдержала напряжения Валентина Петровна.

– Думаю, – откликнулся муж.

– Ха, думает он, – усмехнулась коварная супруга. – Да тебе и думать-то нечем, потому что у тебя вместо головы мочалка проспиртованная.

– Вот ею и думаю, – ничуть не обиделся Недоделов.

– А о чем?

– О том, что я с тобой сделаю, когда отсюда выберусь. Может, я тебя зарежу, а может, в погреб сгною.

– Ага, разбежался, держи карман шире, – не сдавалась Валентина Петровна.

– А я сейчас возьму и в окно вылезу, – пригрозил супруг.

– Вот Пупсик обрадуется, я его как раз на ночь с цепи спустила, – откликнулась жена.

Иван Иванович выглянул в окно и увидел, что под ним действительно сидит Пупсик. Недоделов пса жутко не любил, впрочем, эта антипатия была взаимной. Каждый раз, выходя во двор, хозяин дома так и норовил зарядить Пупсику сапогом в живот, а пес в ответ на это всегда рычал и скалил свои огромные желтые клыки, как будто предостерегая: «Вот когда-нибудь доберусь я до тебя, тогда поищут твои кости». Нет, что ни говори, а лезть через окно – не самый удачный способ выбраться из подстроенной женой ловушки. И тогда Иван Иванович решил пойти на хитрость и кардинально изменить тактику поведения.

– Валюшенька, я кушать хочу, – прогнусавил он.

– Нормальные люди по ночам спят, а не кушают, – возразила супруга.

– Я и в туалет хочу, – не сдавался пленник.

– Потерпишь, – продолжала измываться над мужем Валентина Петровна.

– Слушай, а если я пообещаю тебя не трогать, тогдапустишь? – решился на последний шаг Недоделов.

– Знаю я твои обещания, я тебя выпущу, а ты до утра меня по двору гонять будешь, – не поверила женщина.

– Буду, – подтвердил Иван, поняв, что и таким образом не удастся уговорить жену его выпустить.

Недоделов был очень удивлен странной выходкой своей жены. Раньше она никогда его не запирала, а, наоборот, пряталась сама куда-нибудь подальше, чтобы не попасться страдающему похмельем мужу под горячую руку. Чего она теперь добивалась и на что надеялась, заперев своего мучителя в комнате, Ивану Ивановичу было непонятно. Что-то, по всей видимости, жена задумала против него, и это необходимо было немедленно выяснить.

– Хорошо же, я тебе еще покажу, – процедил слесарь и, громко бухнувшись на колени, протяжно застонал: – А-а, умираю.

– Только до утра не помри, – предупредила его Валентина Петровна.

Однако муж так больше и не отозвался.

– Ванька, – позвала женщина, но ответа не последовало.

Валентина Петровна прислушалась, но из комнаты не доносилось ни единого звука.

– Неужели и правда помер? – испугавшись, перекрестилась Недоделова.

Она попыталась разглядеть что-нибудь в замочную скважину, но в комнате было слишком темно. Пораздумав минуту, Валентина Петровна все же решила открыть дверь и посмотреть, что случилось с ее ненавистным муженьком. Однако едва женщина заглянула в комнату, как Ваня кинулся на нее, выскочив из-за двери, и сжал пальцы на шее супруги.

– Хах-хах, – начала задыхаться Валентина Петровна, а Недоделов тем временем приступил к допросу:

– Говори, зачем меня заперла?

– Не скажу, – прохрипела женщина.

– Задушу, – пообещал муж.

– Посадят. Хотя... тебя и так посадят, – выдохнула Недоделова и тут же осеклась, поняв, что неожиданно для самой себя проболталась.

Услышав подобное заявление, Недоделов так удивился, что даже ослабил хватку.

– Это еще почему меня посадят? – спросил он.

Валентине Петровне очень не хотелось говорить о визите милиционеров, но молчать дальше – верный способ вызвать на себя еще больший гнев мужа. И тогда женщина решила врать напрапалую:

– Потому что ты человека убил.

– Я убил? – вытаращил на жену глаза Недоделов. – Какого?

– Тебе лучше знать какого, – всхлипнула женщина. – Скажи еще, что ничего не помнишь.

– Не помню, – согласился Иван Иванович. – А когда?

– Милиционеры сказали, что прошлой ночью, – доложила Валентина Петровна.

– Так что, к нам и милиция уже приходила? – похолодел от ужаса слесарь.

– Приходила, – кивнула его жена. – Кепку твою шоферскую нашли в квартире убитого.

– Так я же ее два дня назад потерял.

– Это ты в отделении будешь рассказывать, где потерял. Они тебя, между прочим, допросить хотели, но разве же из тебя хоть слово можно было вытянуть, вон как нализался, – скорчила плаксивую мину коварная супруга.

Эта новость так ошарашила Недоделова, что он даже не обратил внимания на издевательский тон жены. Он, Ваня Недоделов, убил человека. Такого не может быть!

– Такого не может быть, – вслух повторил свою мысль Иван Иванович.

– Раз милиция сказала, значит, может, – отрезала Валентина Петровна. – Допился.

Но Недоделов уже не слушал жену. Он прошел на кухню, уселся за стол и спрятал лицо в ладонях.

Таким подавленным собственного мужа Валентина Петровна никогда не видела. У нее даже сердце кольнуло, когда она заметила, что из-под ладоней на колени Ивана Ивановича капнула слеза.

– Валечка, но как же так, – неожиданно подал голос Недоделов. – Я же не убийца.

– Как же, не убийца. А меня всю жизнь бил?

– Так это из-за того, что ты во всем упрекала, вот я и злился. Я же тебя на самом-то деле люблю, это ты от меня нос воротишь. Я и пить потому стал, что ненужность свою в этом доме почувствовал. Эх, доля моя тяжкая, – тяжело вздохнул «убийца». – Значит, за мной завтра придут?

– Ага, обещали утром тебя забрать, – подтвердила женщина.

– Тогда запирай меня, Валька, обратно, чтобы не сбежал ненароком. Раз уж сотворил злодеяние, то отвечу за все сполна. – С этими словами Недоделов поднялся и направился в комнату.

Валентина Петровна перечить ему не стала, повернула в замочной скважине ключ два раза, проверила надежность запора и решила лечь спать. Только вот сон к ней теперь уже не шел, в голове все еще звучали слова мужа о том, что он ее любит. «А может, не такой уж он и плохой? – закралось в душу женщины сомнение. – Может, зря я на него поклеп учинила? Ну, подумаешь, бил. А какую бабу мужик не гоняет? И мамку мою отец побивал, и дед бабу – тоже. Нет, не могу я этим милиционерам своего Ваньку отдать. Пусть пьяница, пусть хулиган, а все равно мой», – приняла окончательное решение Валентина Петровна и собралась уже со

спокойной душой уснуть, но вспомнила, что дала милиции письменное показание против своего супруга. Воспоминание это подействовало на Недоделову как электрический разряд. Она подскочила на кровати, схватилась за голову, потом спрыгнула на пол, заметалась по комнате, споткнулась о кресло, упала и, не выдержав, зарыдала.

Плакала она долго, пока не устала. И тогда Валентина Петровна решила найти выход из этой страшной ситуации.

– Я тебя в петлю сунула, я тебя из нее и вытащу, – пробормотала она, обращаясь к супругу, который в данный момент ее совершенно не слышал.

Полночи Валентина Петровна провела в томительном ожидании утра. Когда же стрелки на часах показали половину восьмого, женщина быстро оделась и вышла из дома. Она направлялась в отделение милиции.

* * *

В отделении милиции в этот ранний час было еще пусто и тихо. За столом дежурного сидел молоденький милиционер, сменивший отоспавшегося и протрезвевшего Васюкова. Он разгадывал кроссворд и, судя по всему, кроме этого занятия его ничего не волновало, он даже не заметил прихода посетительницы.

– Здравствуйте, – робко поздоровалась Недоделова и замолчала.

– Здравствуйте, – ответил на приветствие дежурный, не взглянув на пришедшую, но поскольку та больше не издавала ни звука, ему все же пришлось обратить на нее внимание. – Вы по какому вопросу?

– Мне бы начальника вашего самого главного увидеть надо, – все тем же робким голосом проговорила Валентина Петровна.

– Начальника? – переспросил дежурный таким тоном, будто женщина просила его о встрече по меньшей мере с президентом страны. – А начальник так рано не приходит. Он обычно часам к девяти появляется, а сейчас только восемь.

– Ничего, я подождать могу, – сразу же согласилась настойчивая гражданка и, указав на несколько стульев, выставленных вдоль коридора, попросила: – Можно, я вот здесь посижу?

– Сидите, – пожал плечами дежурный и вновь склонился над кроссвордом.

Ждать Валентине Петровне пришлось дольше, чем обещал дежурный. Шел уже десятый час, по коридору туда-сюда сновали сотрудники милиции: кто-то бегал из кабинета в кабинет с какими-то папками в руках, кто-то выходил покурить. Один раз мимо Недоделовой даже провели какого-то небритого типа в наручниках. «Наверное, бандит», – глядя на физиономию арестанта, решила Валентина Петровна. Однако самого главного все еще не было, ведь дежурный обещал ей сказать, когда начальник придет, но тот до сих пор молчал.

Недоделова совсем разволновалась. Она приблизилась к столу дежурного и спросила:

– А может, у него сегодня выходной?

– У кого? – поднял на нее непонимающий взгляд молоденький милиционер.

– У начальника вашего, – напонила женщина.

– У Стеблова выходных не бывает, – серьезным тоном проговорил дежурный. – Сейчас должен подойти.

Как будто в подтверждение его слов за спиной у Валентины Петровны вдруг раздался звучный бас:

– Семечкин, мне никто не звонил?

Семечкин быстро соскочил со стула, при этом умудрившись запихать под него журнал с кроссвордом, и, вытянувшись, прокричал:

– Здравия желаю, товарищ полковник! Разрешите доложить, вам никто не звонил. Зато к вам посетительница. Уже полтора часа ждет.

– Где? – удивился Стеблов, который из-за похмелья после вчерашнего «согревающего мероприятия» соображал довольно туго.

– Да вот же она, Василий Наумович, – указал Семечкин на Валентину Петровну, и та с заискивающей улыбкой кивнула:

– Да, я вас давно жду.

– По какому вопросу? – приосанившись, осведомился Стеблов.

– По поводу убийства человека...

– Убийство? – тут же напрягся Стеблов. – Тогда прошу в мой кабинет.

Они прошли в кабинет Стеблова, там Валентина Петровна уселась на предложенный ей стул и приготовилась к разговору.

– Итак, для начала скажите мне, как вас зовут, – начал Стеблов.

– Валентина Петровна Недоделова.

– Замечательно. Я вас внимательно слушаю, – усевшись напротив женщины, сказал Василий Наумович. – Кого убили?

– Какого-то Мартышкина, – припомнила Недоделова фамилию, которую называл ей Кулапудов.

Стеблов наклонился вперед и переспросил:

– Мартышкина?

– Ну да, – кивнула Валентина Петровна. – Это же мой муж подозревается в его убийстве. Разве вам ваши сотрудники ничего не говорили? Я ведь им и показания дала в письменном, между прочим, виде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.